

АЛЮБОВНО-ФАНАТАСТІЧЕСКИЙ РОМАН

ЕЛЕНА ФИЛОН

КОРОЛЕВА

СПИН-ОФФ К СЕРИИ «МЕЧЕНАЯ»

ЧАСТЬ 2

АЛДІУІ

18+

Елена Филон

Королева Альтури

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Филон Е.

Королева Альтури / Е. Филон — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жажда справедливости привела нас туда, где всё начиналось – в Эргастул, в тюрьму для содержания морт, где впервые за историю существования бойцовских ям, ставкой раба, - моей ставкой, - станет человеческая девушка. Та, которая стала предателем Альтури, та, которая потеряла всех, кто был ей дорог в этом мире... Меня зовут Килиан. Я морт. Моя раса – извечный противник людей, и я всё ещё в долгу у дочери того, кто десять лет назад сделал меня рабом. Но ни за что на свете я не допущу, чтобы Эмори причинили новую боль. Даже если для этого придётся изменить историю, оживить мёртвых и короновать врага.

© Филон Е., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вторая часть дилогии

Пролог

«Смерть, конечно, большое несчастье, но все же не самое большое, если выбирать между ней и бессмертием».

(с) Том Стоппард

Оката, 147 год от начала Новой эры

Дьен

– Коня надо заменить. – Подношу шахматную фигурку к глазам и придирчиво смотрю на то место, где старое дерево обзавелось глубокими вмятинами – следами от зубов.

Понятия не имею, для чего Эри понадобилось пробовать шахматного коня на вкус. Но когда я застукал её за этим варварским занятием, она лишь невинно хлопала ресницами, вручила мне повреждённую фигурку и сказала что-то вроде «Теперь ты будешь думать обо мне каждый раз, когда откроешь свои дурацкие шахматы».

«Они не дурацкие! Сама ты дурацкая», – вспыхнул я в ответ, но Эри лишь улыбнулась, сжала в кулаках подол своего огромного сарафана и словно беспечная бабочка упорхнула прочь.

– Да. Коня надо заменить. – Ударив фигуркой по доске, вдруг почувствовал, что желание играть в старые дедовские шахматы в одиночестве, испарилось, поэтому взял коня из белого набора и устроил ему битву с «покусанным». Покусанный, разумеется, проиграл. Он ранен, а значит, он слабее. Да и вообще... кому он нужен такой уродливый?

Далее началась битва королев!

Ха, моего деда бы удар хватил, увидь он, что я использую его драгоценные шахматы, как фигурки для боя. А второй удар случился бы незамедлительно, услышь он, что я «обзываю» ферзя королевой.

«Ферзя называют королевой только дураки и дилетанты»! – хриплый голос деда так и звучит в голове.

«Ну и пусть! – возмущался по этому поводу я. – У каждого короля должна быть своя королева, разве не так?! Так почему я должен называть её каким-то «ферзем»?

«Дилетант! – кричал дед, тряся усами. – Прочь руки от моих шахмат, глупый мальчишка»!

Хорошо, что дед меня сейчас не видит.

Несколько лет назад его и вправду хватил удар. Где-то на окраине одного из городов-призраков во время разведывательной миссии. Уж не знаю, что такого он увидел в мёртвом городе, что сердце вмиг остановилось, но... домой лейтенанта-полковника Окотанских чёрных кинжалов вернули уже в мешке для трупов.

– А сейчас на поле боя выходит чёрная королева! – громко комментирую свои действия. – Наносит точный удар в голову, иииии... – Ударяю чёрной фигуркой по белой (что также помечена зубами Эмори), та отлетает на пол, закатывается под кухонный шкаф, а я победно объявляю: – Белая королева сбежала с поля боя! Победа достаётся чёрной королеве!

– Дьен, милый. Папа до утра на дежурстве, у арены; заменяет кого-то. Так что сходи-ка ты отнеси ему ужин, а затем можешь пойти в гости к Эмори. Она ведь вчера приглашала тебя?.. – На кухне показывается мама и, даже взгляда на меня не бросив, шагает к окну. Длинными тонкими пальцами аккуратно отодвигает занавеску в сторону и смотрит на улицу, по которой разливался густой оранжевый свет заходящего солнца.

Платье надела. Одно из своих любимых. Синее в мелкий рисунок бело-жёлтых цветов; на примулу похоже. Иногда, от нечего делать (разумеется), я выбираюсь в поле вместе с Эмори и её матерью, где и слушаю о всякого рода растениях и их полезных свойствах.

Мне нравится её мама. Она весёлая. И добрая. А ещё у неё улыбка красивая. А ещё она не такая назойливая и приставучая, как Эмори.

– Дьен? – мама выдёргивает меня из размышлений.

– Да, понял, – мямлю в ответ, складываю шахматы в коробку (белую королеву достану из-под шкафчика позже), подхватываю тряпичный мешок, внутри которого лежит контейнер с ужином для отца, и уже собираюсь двигаться к выходу, как в дверь громко трижды стучат, а спустя короткую паузу ещё дважды – тихонечко.

– Ох! – На долю секунды вижу растерянность на лице матери. Но... ей ведь не привыкать к подобным ситуациям, поэтому она быстро берёт себя в руки и вот уже спешит открывать дверь.

На пороге стоит – как я его называю, – господин Жопс. На самом деле его зовут Шопс. Он уже давно работает вместе с моей мамой. Он специалист по развитию идеалов дружбы и взаимопонимания между народами двух рас. Он – рафк. А ещё он любовник моей матери.

– Я не вовремя? – с фальшивой растерянностью во взгляде, Жопс сперва смотрит на меня, а затем на маму.

– Нет, что вы! Проходите в дом, не стойте на пороге, – суетится моя мать и как бы невзначай проверяет в порядке ли её причёска. – Дьен, милый, мы с господином Шопсом должны обсудить кое-что важное. По работе. Твоего отца я в известность поставила, не переживай, ладно? – Мама целует меня щёку и выталкивает за дверь. – Ну? Иди, твой папа наверняка проголодался. И если захочешь переночевать у Эмори, я возражать не буду; только скажи об этом папе. Пока, милый.

Дверь хлопает, а я ещё секунд тридцать стою на месте и прожигаю её глазами, представляю себе лицо *господина Жопса*.

– Привет, Дьен!

– Привет, липучка.

Стоило оказаться на площади, как Эмори, решив поздороваться, выпрыгнула из-за закрытой овощной лавки.

Будто я не знал, что она за мной всю дорогу от дома тащится.

– К отцу идёшь? – шагает рядом и так счастливо улыбается, словно у неё сегодня лучший день в жизни.

– Ага, – отвечаю, упрямо глядя перед собой.

– У вас гости?

– Ага.

Регулярные и всегда желанные.

Папа ничего не знает о том, что его жена связалась с рафком. Думаю, даже не подозревает, – мой отец самый большой в этом мире простачок. Добряк и просто хороший человек, – так говорят о нём многие. А мама раньше говорила, что у её мужа самое доброе сердце. И всё в нашей семье было замечательно, пока не появился этот чёртов Жопс!

Я лично застукал их, когда тот растёгивал пуговицы на мамином платье, прилипнув своими мерзкими вонючими губищами к её шее. Мне уже одиннадцать! И я отлично знаю, чем это они там занимались! Фу... чуть не вырвало тогда. Но поплакать было важнее, поэтому сбежал на старую ферму и просидел на чердаке курятника до самого рассвета. Тогда и принял решение ничего не говорить папе, ведь это способно окончательно разрушить нашу семью, испортить репутацию матери, а отца сделать жалким и никчёмным в глазах окатанцев. А с ним я точно не могу так поступить. Да и не хочу, *не могу* допустить, чтобы наша семья была разрушена из-за какого-то красноглазого Жопса!

Мама просто не понимает, что не нужна ему! Он – рафк! А все рафки считают себя высшими существами! Люди для них – материал для сотворения новых рафков, а иногда – игрушки, развлечение, ведь порой бессмертным так скучно живётся.

Бесят...

– Эй! – хватаю Эри за локоть, прежде чем она, запутавшись в собственных ногах, успевает проехать животом по земле.

– Ой, спасибо, – улыбается, а щёки румянец заливают.

Девчонки...

– На ровном месте спотыкаешься, – ворчу, отведя взгляд. – Какая же ты...

– И какая же я?

– Неуклюжая! Вот какая! – выпаливаю. – И маленькая ещё, чтобы в такое время по городу гулять. – Беру её за руку и веду за собой.

– Мне уже семь! Я не маленькая! – обиженно протягивает, а я не сдерживаю смеха, бросая на неё весёлый взгляд в стиле «Ага, как же». – И я не одна. Я с тобой, – добавляет.

– Ну... разве что, – поразмыслив, заключаю. – Со мной это да... безопасно конечно.

Ладонка Эри ещё крепче сжимает мою, а улыбка становится шире.

Вот смотрю на неё порой и думаю: «Чего везде за мной тягается»?.. А как представляю, что прекращает всё это дело, так аж... как-то не по себе становится. Хоть и приставучая девчонка, но «своя» уже, привык я к ней.

– Куда мы идём? – спрашивает спустя паузу.

– К арене. Отец сегодня всю ночь будет мортвов сторожить.

– А можно нам бой будет завтра посмотреть?

Хмуро гляжу на Эри и раздумываю, как бы ей помягче ответить...

– Нас не пустят. – И это правда. – К тому же, не думаю, что тебе понравится это зрелище.

– Откуда знаешь, если и сам там не был?

– Я... я... – Вот вечно она так! Забрасывает своими вопросами и с мысли сбивает. – Я просто знаю, поняла?

– Ага. Поняла, – и вновь улыбается.

Как-то раз мне удалось подсмотреть бой. Ничего более кровавого я в жизни не видел; так что и Эри это ни к чему. А ещё страшнее стало, когда представил, как наши солдаты против мортвов за периметром выступают. На арене-то создания эти друг против друга сражаются, а там...

Зато я понял, почему отец не хочет продвигаться дальше по службе, – просто и сам смотреть на весь этот ужас не желает. Говорит, что его более чем устраивает быть в городском патруле. Работа спокойная, непыльная, и, главное, без крови. Ходишь себе, улицы патрулируешь, детишек по домам разгоняешь, да смотришь, чтобы везде порядок был. Оката – спокойный город. На патрулирование территории обычно больше 2-3 отрядов не отправляют. Другое дело – в Тантуме. Вот там, как говорит отец, всяких ужасов насмотреться можно. Особенно в разгар Кровавого сезона, когда на улицах толпы приезжих, десятки рафков, а ещё больше тех, кто просто-напросто недоволен исходом боя.

– Здравствуй, сын! – завидев меня, улыбается отец и машет рукой. – О, Эмори! Рад и тебя видеть, малышка! А ты похорошела.

– Но мы только вчера с вами виделись, – бровки Эри хмурятся.

– Вот я и говорю, – смеётся отец, ероша Эмори волосы, – всего день прошёл, а ты так похорошела! Завидная же невеста у моего сына.

– Она мне не невеста, – цежу сквозь зубы, а Эри тут же добавляет:

– Это пока что.

Не собираюсь спорить. Бессмысленно. Таких упрямцев, как Эри ещё поискать надо.

Отец делится с нами хлебом, и мы опускаемся на землю прямо у ворот на ограждённую территорию. За них нас не пустят. Да и отца тоже. Его обязанность – вести журнал посещений (если посетители вообще конечно будут), ну, и смотреть, чтобы любопытная ребятня не надумала через забор перелезть, чтобы заглянуть в палатки, где уже находятся клетки с мортами внутри.

– Охраны маловато как-то, – прожевав кусок хлеба, киваю на палатки, рядом с которыми кружат всего двое вооружённых бойцов.

– С минуты на минуту отряд прибудет, – отвечает отец. – Ещё одного бойца из Эргастула перевозят. Так что вы давайте, это, дожёвывайте и по домам.

– Я не пойду домой, – утыкаюсь взглядом в землю и с такой силой сжимаю в кулаке хлебную корку, что костяшки пальцев белеют.

– Это ещё что за новости?

– Я сегодня у Эри переночую. Мама... она разрешила. У неё там какая-то работа с Жопсом.

– *С господином Шопсом*, – с нажимом поправляет отец, и я встречаюсь с ним взглядами.

На какую-то долю секунды вижу обиду, боль и разочарование в его глазах, и вот уже начинаю подумывать, что отец может подозревать об изменах матери, как тут на его губах вновь расцветает добрая улыбка, а взгляд наполняется теплотой.

– Мы с мамой тебя очень любим, Дьен. Ты ведь знаешь это? – Мягко опускает ладонь мне на плечо и несколько раз похлопывает.

– И для чего ты мне это говоришь? – изо всех сил борюсь с проклятым жжением в глазах.

– Для того, чтобы ты помнил, сынок: что бы ни случилось, мы с мамой всегда будем очень любить тебя и гордиться нашим мальчиком.

Хотелось фыркнуть, но я сдержался.

Раздался тяжёлый вздох отца, и его вторая ладонь упала мне на плечо.

– Думаю, пришло время серьёзно поговорить, Дьен, – он строго заглянул мне в глаза, но на его губах по-прежнему играла добрая улыбка. – Обещаю, что мы сделаем это завтра утром. Я, ты и мама. За завтраком. Хорошо?..

В тот момент я задумался: а что, если спасать уже нечего?.. Что если наша семья уже давно развалилась, все всё знают друг о друге, но ради меня продолжают делать вид, что ничего плохого не случилось?..

И как долго они собираются притворяться?..

В тот поздний вечер, проводив Эри до дома, я не переступил его порог. Заверил, что со мной всё будет в порядке, и я не собираюсь натворить глупостей, которые она уже успела себе нафантазировать. Я даже потрепал её по волосам, чтобы успокоить. А когда дверь дома Эри закрылась за её спиной, я поспешил обратно, – к арене. К отцу, с которым собирался поговорить, как мужчина с мужчиной. И не завтра, а уже сегодня. Потому что мне это было необходимо! Я собирался выяснить, что происходит между ним и мамой на самом деле, и неужели эти двое настолько большие идиоты, что забыли о клятве, которую дали друг другу?..

А как же... любить до конца дней своих?..

Я, правда, не понимал, как можно нарушить данное обещание.

Но разговора с отцом в тот вечер так и не состоялось. Как и не состоялось на утро за завтраком, днём позже, или через неделю, через год... Говорить просто-напросто было не с кем. Моего отца в тот вечер не стало.

Когда я вернулся к ограждению, у ворот отца не оказалось, а у палаток творилась такая суматоха, что сомневаться не приходилось – случилось нечто ужасное.

Кровь была везде... Внутренности, куски плоти... Оторванная голова.

Голова моего отца.

Его застывшие глаза смотрели на меня в момент, когда я, словно находясь под каким-то страшным гипнозом, вышел из укрытия и поднял её с земли.

Не помню, что происходило дальше. Кажется, я потерял сознание, а Эмори сказал, что меня вырубил ударом по затылку, ведь так звучало круче, но, в любом случае, я так и не смог увидеть лицо убийцы моего отца.

Позже матери сообщили, что морт, которого перевозили к арене из Эргастула, сумел выбраться из клетки и напал на отряд. По официальной версии, виной всему стала халатность; кто-то просто плохо закрыл замок. Кто-то просто плохо выполнил свою работу. А кто-то просто оказался не в то время и не в том месте.

«Дело случая», – так сказали многие. Ведь мой отец обычный патрульный. Даже не охрана Эргастула. И он никогда никого не убивал.

А ещё всему виной стало его слишком *«доброе»* сердце и глупая вера в байки, которые рассказывают такие же глупые люди! Байки о том, что морты якобы умеют видеть человеческие души. Байки о том, что морты якобы никогда и ни за что не причинят вред доброму и честному человеку.

Чушь!

Мой отец был лучшим человеком из всех, кого я только знал! И эта тварь... вырвавшаяся из клетки, даже не подумала его пощадить! Разорвала на куски... Безжалостно. Сперва конвоира, а затем моего отца, поспешившего на подмогу. Транквилизатор слишком поздно вырубил это животное.

Говорят, мой отец закрыл своей грудью другого солдата, – ещё совсем молодого парня.

Говорят, морт на несколько секунд остановился, прежде чем нанести первый удар точно в голову.

Говорят, мой отец даже вооружиться ничем не удосужился.

Говорят, он даже улыбался этому уроду, призывая к разуму, прося остановиться.

Вера в лучшее его погубила.

Вера в милосердие тварей, у которых нет души!

Мои подозрения оказались верными – отец и мать давно уже разошлись. Они просто сожительствова­ли и только ради меня продолжали «играть» в семью. Словно я маленький глупый ребёнок!

После смерти отца, мать продержалась почти четыре месяца, прежде чем решилась на серьёзный разговор со мной. По правде говоря, половину её слов я пропустил мимо ушей. Мне хватило фразы: «Пойми, милый, я не отказываюсь от тебя! Я просто не могу так больше жить!», после чего я принялся мысленно напевать мотивчик старой детской песенки, что так часто любит исполнять Эмори.

В тот день, когда мама уехала из Окаты в Брэван к своему долбаному возлюбленному Жопсу, я всерьёз задумался над тем, кого же должен ненавидеть больше: рафков, мортов, или свою мать.

По вине первого разрушилась моя семья. А по вине второго не стало моего отца. Впрочем, и матери моей как таковой не стало (по её же желанию), выходит... я должен презирать всех троих?..

– Нельзя судить о расе лишь по одному её представителю, – с умным видом сказала мне Эри, делаясь печеньем, что испекла её мама. – Люди тоже разные. Есть хорошие, а есть плохие. Так и морты, и рафки... тоже разные.

– Плевать. Ненавижу их всех, – ответил я ей, запихивая в рот очередное печенье и без особого интереса разглядывая стены моей новой комнаты. Комнаты, которая станет моим новым домом.

Вот за той стеной находится кухня. А вон за той – комната Эри. Теперь мы будем соседями.

– А меня? – с круглыми, как две пуговицы, глазами Эри заглянула мне в лицо.

Я фыркнул:

– Что, – тебя? Ты тут вообще причём? Ты же мне ничего плохого не сделала.

– Тогда люби меня, – просто пожала плечами и улыбнулась. – А я буду любить тебя. И никогда-никогда не предам! Честно! – Эри скрестила два своих тонких пальчика и поднесла к моему лицу, тем самым говоря «Клянусь».

А я лишь усмехнулся и покачал головой.

Я впервые усмехнулся за последние недели моей жизни.

Тогда и понял, вот он – мой якорь, что не позволяет течению унести меня к другому берегу, или попросту разбить о скалы. Девочка, что сдерживает мои эмоции, не позволяет ненависти и злобе завладеть сердцем. Что бы со мной ни случилось, Эри всегда оказывается рядом. Сидит она тихонечко, держит за руку, или же лепечет какую-нибудь ерунду. Главное – рядом. Тогда и мне легче становится.

Вот сейчас только понял это, признал. И полегчало немного.

– Я стану сильнее, – решил в одну секунду и крепко сжал ладошку Эри в своей. – Даю слово! Я стану намного-намного сильнее!

– Для чего? – улыбнулась Эри.

Ответ на этот вопрос уже был готов:

– Чтобы защищать тебя! Теперь я всегда буду защищать тебя, Эри! И никогда никому не дам в обиду, поняла?

– Никому-никому?

– Никогда-никогда. Обещаю.

Два года назад

Окрестности деревни Шэлман

– У мертвых нет души. Что ты пытаешься доказать мне, Эри? – смотрю на неё и действительно не понимаю, к чему весь этот разговор? Разве мы не заниматься сюда пришли? Не драться учиться, а языками чесать?.. Она ведь знает, как я не люблю поднимать эту тему! Не люблю говорить о смерти отца и, уж тем более, о предательстве матери!

Но... вот же упрямая. Для чего продолжает?

– Ничего я не пытаюсь доказать, – пожимает плечами и старается как можно ласковее улыбнуться. – Я лишь хочу, чтобы тебе легче стало, вот и всё. Столько лет жить с ненавистью на сердце очень трудно, Дьен. А мне, уж прости, далеко не всё равно на твои чувства.

– С моими чувствами всё в порядке, – тяжело вздыхаю. – Может, начнём уже заниматься?

Но Эри будто и не слышит меня.

– Но, Дьен... ты не должен их всех ненавидеть, – глядит на меня умоляюще.

– Кого, – их всех? – с трудом сдерживаюсь, чтобы не вспылить. – Я не ненавижу рафков, – мне плевать на них, ведь мою мать никто не заставлял становиться одним из них, это был её осознанный выбор! В то время, когда у моего отца этого выбора не было! Отца моего никто не спросил: хочет он на тот свет, или нет!.. Чёрт... – отвожу взгляд и провожу ладонью по лицу. – Давай просто закончим этот разговор, прошу.

– Ладно. – Эри обнимает меня за плечи и целует в щеку. – Просто помни, что у тебя есть я, и ты всегда можешь на меня положиться.

– На кого ж ещё, если не на тебя, маленькая? – расслабившись, усмехаюсь, притягиваю Эри к себе и целую в висок. – Ты ведь всегда будешь рядом, правда?

- А ты сомневаешься? – Эри щипает меня за бок, и мы оба, смеясь, падаем в траву.
- Я буду вечно любить тебя, Лисёнок, – заглядываю ей в глаза и мягко целую в губы.
- А я ещё дольше, – отвечает, целуя меня в ответ.

Оказалось, «вечность» – это не так уж и долго.

Глава 1

Радио-апокалипсис

*Зомби-волна *

Track # 1

IC3PEAK – «Monster IC3PEAK»

Сообщение: *Чудовища Новой эры*».

Оката

Эргастул

Судя по тому, сколько раз открывалась дверь камеры, и на пол ставился железный поднос с едой, прошло уже три дня с момента, когда моя жизнь на земле закончилась, и началось существование в Аду.

Первый день моего заточения в Эргастуле прошёл как в тумане. Я слабо понимала, что происходит, где нахожусь, а недавние события в городе-призраке казались выдуманными, будто искусственно созданными в памяти. Словно в голове сработал некий защитный барьер, ограждающий от реальности, напрасно питающий меня надеждой, что этого... что *всего этого* попросту не было.

Что я не стала пленницей у собственного народа.

Что Килиан не стал рабом. Снова.

А Дьен не превратился в чудовище, в глазах которого не осталось ничего от Дьена, которого я знала раньше.

Никогда не забуду... этот его *новый* взгляд.

Никогда не забуду... с каким омерзением он на меня смотрел. Так не смотрят на друга, который стал предателем. Так не смотрят на любимую, которая предпочла ему другого. Так смотрят на жирного полураздавленного червя, который не вызывает ничего, кроме жгучего омерзения. Червяк, который даже смерти не заслуживает, потому что об него жалко пачкать подошву ботинка!

Пусть мучается... Пусть сам подышает... Жалкий, вонючий червь.

Второй день стал для меня ещё хуже предыдущего. Потому что «блок» отключился, и в сознание начали проникать звуки: голоса, стук ботинок, басистый смех охранников, крики, стоны, и, самое невыносимое – протяжные женские вопли вперемешку с рыданиями.

Забившись в угол тесной камеры, изо всех сил зажимала уши руками. Трясла головой, пыталась заглушить звуки собственным хриплым стоном... В итоге сдалась. Упала на пол, обхватила колени руками, прижала к груди и долго беззвучно плакала, жалея себя... Жалея за то, во что собственными руками превратила свою жизнь.

А на следующий день была самой себе противна.

Слабая.

Жалкая.

Глупая.

И мне стало стыдно. Перед отцом, перед матерью, перед самой собой.

Сдаться решила?

Бороться надоело?

Силы больше нет? Желания? Надежды?..

Да... сдаться всегда проще.

Ведь «сдаться» – единственный выход, который у тебя всегда будет, который у тебя никто не отнимет. Возможность сдаться есть всегда. А найти в себе смелость, чтобы бороться дальше, может далеко не каждый.

Когда нет ради чего.

Когда нет... ради кого.

Когда у тебя ничего не осталось.

– Я всё ещё у тебя в долгу...

Вздрагиваю и одновременно распахиваю глаза.

– Я всё ещё у тебя в долгу, Эмори...

– Килиан... – срывается с губ надломленным шёпотом, и я так резко оборачиваюсь, что не удерживаю равновесие и ударяюсь ладонями о грубый каменный пол.

Ищу *его* в непроглядной темноте.

Два горящих неоном глаза вспыхивают совсем близко...

Моё дыхание обрывается на судорожном вдохе...

Тяну к нему руку...

Тянусь к нему всем телом...

Но...

Его глаза гаснут.

Тьма вновь окутывает меня, хватает за горло ледяными пальцами, и я ударяюсь коленями о каменный пол, даже не пытаясь сдерживать новый приступ рыданий.

Мне кажется.

Всё это мне просто кажется...

– Однажды... я отдам тебе этот долг.

Всё ещё слышу его голос.

Словно Килиан здесь, совсем рядом, только руку протяни.

Я сошла с ума?

Боже... я действительно сошла с ума.

«Я не могу оставить тебя одну... Я не могу оставить тебя одну»... – как на повторе звучат в голове слова. *Его слова*. Слова, сказанные мне однажды.

– Почему? – спрашиваю у пустоты. До боли впиваюсь пальцами в острые камни. – Почемууу?.. Почемуууу?!

«Потому что одна ты не справишься...»

– Потому что одна ты не справишься, – вторю воспоминаниям. Таким живым. Болезненным.

Настоящим.

Разворачиваюсь и ползу в сторону двери.

«Я не могу оставить тебя одну...»

Наощупь нахожу поднос, по которому размазана холодная липкая каша...

«Потому что одна ты не справишься...»

...и через силу начинаю запихивать её себе в рот.

Потому что мне нужны силы.

Потому что я не должна сдаваться.

Потому что это ещё не конец.

Потому что... я не одна.

Я не одна! Ещё нет!

Эргастул

День четвёртый

Я не могу спать. Сознание балансирует где-то между сном и реальностью; что-то не пускает, не позволяет окончательно провалиться в заветную пустоту и хоть какое-то время не слышать женских криков, стонов. Безразличия в смехе охраны Эргастула.

А когда удаётся хоть немножечко задремать, – попасть в Инфинит не выходит. Понимаю это по тому, какими несвязными и безликими приходят ко мне сновидения. Вижу их отрывками, смазанными кадрами, вырванными из прошлого, и совершенно точно не могу ими управлять. А значит – это не Инфинит. Это обычный кошмарный сон, в котором нет настоящего Килиана.

Звучит лязг засова, и я приоткрываю свинцовые веки одновременно с тем, как открывается дверь моей камеры. По зрению ударяет яркий свет от горящего факела, а уже спустя несколько секунд меня рывком поднимают с пола и толкают к выходу.

– Ну! Шевелись!

Шатает из стороны в сторону, ноги то и дело подкашиваются, но приказываю себе держаться прямо и мысленно клянусь всем, что было мне когда-либо дорого в этом мире: если упаду, если опущу голову, если позволю коленям ударить по полу... никогда, ни за что на свете себе этого не прощу! Значит, всё было напрасно! Всё, включая испорченную репутацию бывшего главнокомандующего Чёрных кинжалов.

Один из охранников связывает мои запястья толстой верёвкой. Второй снова толкает в спину.

– Куда меня ведут? – хриплю едва слышно, не без труда передвигая ногами по узкому, тускло-освещённому факелами коридору Эргастула.

Отвечают мне лишь раздражённым фырканьем и очередным толчком в спину.

– Куда... меня ведут? – повторяю громче. – Куда?

– Может кляп? – тяжёлый вздох охранника сзади.

– Не было приказа, – отвечает второй. И я знаю этот голос. Я знаю, кому этот голос принадлежит.

Наверное, стоило бы попросить у лопоухого Брэдли прощение за то, что вырубил его рукояткой его же пистолета... Как и за то, что воспользовалась им, бросила без сознания на дороге к блокпосту, а ещё угнала грузовик...

Наверное, стоило бы и с переводом в другое крыло поздравить. Если, конечно, с этим вообще можно поздравлять... В южном крыле, где содержатся ставки на бои, работа хоть и не такая грязная, как в том, где находятся бойцы, но всё же перевод сюда подобен разжалованию. А в таком случае, наверное, и за это стоило бы извиниться.

Вот только зачем Брэдли это нужно?..

Меня приводят в небольшое помещение, очень похожее на кабинет Лайзы в северном крыле, так что сомневаться не приходится – я здесь для осмотра.

Замена Лайзы – мужчина лет пятидесяти, лицо которого хочется сравнить с крысиной мордой; или с упырём, – бегло оглядев меня с ног до головы, приказал охране снять с меня всё грязное барахло и отправить за ширму. А я даже сопротивляться не стала. Какой смысл тратить остатки сил на заведомо проигранную битву?.. Однако, стоит отдать Брэдли должное: снимая с меня рубашку он хоть и с залитым краской лицом, но старался смотреть куда угодно, только не на моё обнажённое тело.

А зря. Можно было бы счесть это компенсацией за весь причинённый мною ущерб. Ведь я вроде как нравилась этому парню. *Кажется, что миллион лет назад.*

– Выглядишь дерьмово конечно, – закончив «лапать» моё дрожащее от холода тело, доктор Упырь легонько похлопал меня по щеке и адресовал сколькую, до ужаса неприятную улыбку, продемонстрировав отсутствие верхнего клыка. – Но ничего, ко дню боя поставим тебя на ноги, лапушка. Это я тебе обещаю.

Что?..

Ко дню... К какому дню?..

– В смысле?.. О чём вы... говорите? – Мозг начинает лихорадить.

– Надень на неё вот это, – игнорируя меня, доктор вручает Брэдли что-то похожее на огромную ночную сорочку, – а потом под капельницу. Прокапается и будет, как...

– Эй! – вкладываю все силы в голос, перебивая. – Какой бой? О каком бое вы говорите?!

– Ооо... голосок прорезался? – доктор хрюкаяще усмехается и бросает на меня повеселённый взгляд, сдвинув очки на кончик длинного носа. – Выходит, недооценил я лапушку?

– О каком бое идёт речь?! – карканьем вырывается у меня изо рта. Тело, будто работая на автомате, делает рывок вперёд, но дорогу мне тут же преграждает Брэдли, с силой обхватывая за предплечья.

– Отпустииии! – рычу, сквозь сжатые зубы, пытаюсь вырваться. Для чего? Да понятия не имею!

– Не дёргайся, дура, – шипит на ухо Брэдли. – Только хуже себе сделаешь.

– Послушай парнишку, – кивает на Брэдли доктор, – дело говорит.

– Я знаю законы! – не сжову требовательного взгляда с этого мерзкого скалящегося упыря в белом халате. – И по закону меня сейчас не должно быть здесь! Меня должны судить при полном совете Верховных намалов и только потом выносить приговор! Почему я в Эргастуле?!

– Какая же ты громкая, – раздражённо вздыхает доктор Упырь. Делает шаг вперёд, и вот, я уверена, что сейчас он вновь рассмеётся мне в лицо, но вместо этого раздаётся громкий хлопок, щеку будто огнём обжигает, а голова от силы удара круто разворачивается в сторону.

– Предупреждал же, – с укором шепчет Брэдли.

– Мелкая, грязная сучка, на кого пасть разеваешь?! Кляп ей в рот засунь! – отдаёт приказ доктор, потирая ладонь, которой вlepил мне пощечину. – И на кушетку её. А, да! Пристегнуть не забудь.

– Понял.

– Раз понял, то шевелись давай! Вернусь через две минуты.

Брэдли набрасывает на меня огромную ночную сорочку, пахнущую дезинфицирующим средством, пристёгивает ремнями к кушетке, делает кляп из рукава моей грязной рубашки и, напоследок подарив мне взгляд в стиле «Сама виновата», направляется к выходу. Но вдруг останавливается, проверяет нет ли кого за дверью, в том числе и доктора Упыря, и после тяжёлого вздоха сообщает:

– Суд уже был. Тебя без допроса признали виновной по всем пунктам. Совершенные преступления слишком тяжкие, да и... оспаривать их никто даже не пытался; ещё не хватало соучастником стать.

Вновь вздыхает. Чешет затылок, взмахивает рукой, будто плевать на всё хотел, и уже переступает порог, как вдруг вновь останавливается и, явно совершенно того не желая, решает добавить:

– Намал Ури предложил приговорить тебя и твоего уродца к исключительной мере наказания прямо на площади, на глазах у всех Окатанцев. Говорят, что остальные проголосовали За. Так что... если бы Лафлёр не вмешался и не предложил совету нечто более интересное и зрелищное, уже сегодня ты бы лишилась головы. Даже не знаю, если честно... Возможно, так бы оно и к лучшему было. – Пожимает плечами. – Тебе решать: благодарить Лафлёра, или проклинать. С одной стороны, он твою смерть отсрочил, а с другой... медвежья услуга какая-то получилась. Стать ставкой на бой одного из чернокровных уродов; даже не знаю, что хуже, Эмори. Тебя не просто казнят за измену... тебя разорвёт на части свора голодных псов, как самого настоящего врага человечества! Ведь Д-88 в этот раз ни за что не выиграть, как бы он ни старался. Что за взгляд?.. Почему я так в этом уверен?.. Да потому что в этот раз, всё, что нужно намалам – это показательно-поучительное представление, в конце которого двоих

преступников, так или иначе, ждёт суровое наказание. Лучше и придумать было нельзя. Надо отдать Лафлёру должное за сообразительность; в Окату уже съезжаются зрители со всего Альтури, а арену расширяют. Так и слышу это: «На арене восставший из мёртвых морт! И его ставка – предательница своего народа, позор человечества, дочь бывшего главнокомандующего Чёрных кинжалов!»... Знаешь, что мой отец сказал, когда узнал о том, с кем ты сбежала?.. Он сказал: хорошо, что отец этой идиотки уже мёртв. Потому как будь он жив... его сердце разорвалось бы от позора за родную дочь.

*День пятый
Эргастул*

– Эй! Эй, там, я знаю, ты слышишь меня! Не притворяйся глухим! – Вот уже минут десять пытаюсь добиться ответной реакции от охранника за дверью, по которой вовсю тарбаню кулаками.

Реакции нет. Но, надо сказать, и тратить на меня драгоценные медикаменты я тоже не просила, и раз уж чувствую себя значительно лучше, то надо же хоть куда-то выплёскивать энергию.

Занимательно выходит, однако. Я даже и представить себе не могла, что на женщин и девочек муртов тратят столь драгоценные в Новом мире медикаменты, для того, чтобы те *презентабельно* выглядели на момент спуска в яму! Ведь многие из них устраивают голодовку, пытаясь сжить себя с этого света, или хотя бы ослабить организм, чтобы, когда острые зубы псов вопьются в плоть, было уже всё равно. Чтобы для крика сил не осталось.

Но ведь предсмертный крик так любят зрители.

Мне уже дважды ввели раствор Рингера. А ведь мне, по сути, умирать через несколько дней.

Как же всё это неправильно...

– Эй! Позови майора Чёрных кинжалов! Скажи, что мне нужно сообщить ему кое-что важное, и что я не шучу! И, главное, я не *«просто привлекаю внимание»*, – как пронизательно заменил предыдущий охранник, – мне действительно нужно сообщить майору Дьену крайне важную информацию!

И использовать её себе во благо.

Даже если придётся прибегнуть к шантажу.

Не знаю, на что рассчитываю. Я даже до конца не уверена в том, что собираюсь сделать, я лишь... я лишь пытаюсь выжить. Пытаюсь не сидеть на месте и не мириться с вынесенным советом намалов приговором.

– Послушай, – вздыхаю, – я не шучу. То, что я собираюсь сообщить майору очень и очень важно. От этого его жизнь зависит! Чёрт! – вновь ударяю по двери кулаком и сползаю по стене на пол.

– Сколько раз тебе повторять: это бесполезно, – звучит раздражённый голос моей сокамерницы. – Сядь уже! Не мельтеши!

– Не мельтешишь? Да ты меня даже не видишь, – горько усмехаюсь, шмыгнув носом. Страхиваю со щек слезы и вглядываюсь в два горящих во тьме неоновых глаза.

Такого же цвета, как у Килиана... Её глаза. Глаза цвета аквамарина.

– А вот и ошибаешься, – звучит смешок. – Или думаешь у нас «лампочки» в глазах для красоты?

В этот раз мне не выделили одиночку в личное пользование, – со вчерашнего дня я делю территорию, жестяное ведро для справления нужды, и, кажется, даже воздух, с восемнадцатилетней девушкой-муртом по имени Зара. Я не знаю, как она выглядит, но зато теперь убеждена

в том, что не все морты такие замкнутые и необщительные, как о них говорят. И как мы – люди, – о них думаем.

Уже успела понять, что Заре только повод для разговора дай. А ещё она, кажется, нисколько не боится стать ставкой для боя. Ведёт себя вполне расслаблено и совершенно не смущается того, что её сокамерница – человек.

«Раз ты здесь, то теперь ты одна из нас», – с грустным смешком вчера отметила Зара. А я мысленно с ней согласилась.

Странное чувство... быть человеком по происхождению и стать рабом, заточённым в тюрьму для мортов.

– Зачем он тебе? – спрашивает Зара. Мне нравится её голос: по-девичьи тонкий, но не лишённый силы. – Разве не по вине майора ты сейчас здесь?

– В каком-то смысле, – дёргаю плечами и откидываюсь затылком на стену.

Всё началось именно с того, что я пыталась спасти Дьена. Спасти дорогого мне человека, и всего-то. И что из этого вышло?..

– Можно кое о чём спросить? – интересуюсь осторожно.

– Я только что кивнула, – отвечает Зара.

Ещё с минуту мысленно пытаюсь подобрать правильные слова, но не нахожу их, и в итоге выдаю, как есть:

– Почему морты *такие*?.. Я имею в виду: отчего зависит то, какими личностями вы становитесь? Большинство считает вас жестокими и кровожадными, но теперь я знаю, что эту страшную сказку придумали намалы и на самом деле морты другие. Но все ли?.. Есть же и исключения, я права?..

– Что конкретно ты хочешь узнать?

Вновь собираюсь с мыслями.

– Вы... вы никогда не причините вред хорошему человеку, пусть он и ваш враг. Вы умеете быть милосердными и справедливыми. И вы никогда не бросите в беде слабого. Вы... вы удивительные. Но все ли?.. Я хочу знать лишь это.

Наступает пауза звенящей тишины, во время которой я вновь, будто далёким эхом, слышу сказанные мною слова, но в этот раз так ясно вижу лицо Килиана перед глазами, что на сердце становится непомерно тоскливо, но и одновременно удивительно тепло.

– Это ты мне сейчас парня своего описала, да? Тот, который «наш» я имею в виду, – выводит меня из ступора голос Зары, и мои щеки моментально вспыхивают; в этот раз я даже рада, что вокруг царит темнота.

– Думаешь, это сверхспособность какая-то? – так и не дав мне ответить, Зара тут же задаёт следующий вопрос. Риторический, как я понимаю, потому как она уже продолжает: – Нет у нас ничего такого: никакой кнопки, никакого рычага. Никакой магии в том, какими личностями мы становимся. Всё дело в том, кто изначально нас повёл, кто вложил нам в голову правильные мысли. Всё дело в воспитании, в том, где мы растем, и кто нас окружает. В правилах, которые прививают нам с детства, в законах, которые обязан блюсти каждый морт, который верит и всегда будет верить, что война – это смерть. Война никому не принесёт спасения: ни людям, ни нам. А силы и прочие «фокусы» – скорее лишь приятный бонус.

– Неужели вы все в это верите?..

– Конечно, нет, – фыркает Зара. – Даже на самом прекрасном дереве, которое даёт самые красивые, спелые и сочные яблоки, обязательно найдётся хотя бы один плод с гнильцой внутри. Да, мы «дети» Новой эры, но мы не идеальны... как не идеальны и вы – люди, продолжающие нести в этот мир смерть, даже после того, как смерть забрала миллиарды ваших собратьев. Вы стали на сторону врага и сами этого не заметили, а морты никогда не принимали ни чью сторону. Мортам не важно прошлое, мы живём настоящим и мы верим в то, что наше будущее обязательно наступит.

– Значит, вера?.. – выдыхаю с пониманием.

– Вера, – утвердительно добавляет Зара. – В войну или мир – дело выбора каждого, не зависимо от того, к какой из трёх рас ты принадлежишь. Раса – обёртка. Главное то, что у тебя внутри.

Кажется, теперь я понимаю... что всё это время жило внутри у Дьена, а с помощью сыворотки, полученной из крови матери Сэйен, вырвалось на свободу, как кровожадный зверь из клетки, в которой находился долгие и мучительные для него годы.

Теперь я понимаю, что пытаюсь избавить Дьена от живущей на сердце ненависти, я тем самым пыталась убить монстра, не дать ему обрести свободу.

Но у меня ничего не вышло.

Монстра больше ничто не сдерживает. Монстр, выросший из ненависти к мортам, теперь обрёл силу своего «врага».

Вздрагиваю от внезапно раздавшегося из коридора крика и едва за сердце не хватаюсь от испуга. Клянусь, за последние дни я слышала много разных криков боли, но этот... от этого мороз по коже, волосы дыбом и слёзы на глаза вмиг наворачиваются.

Девушка... Кричит девушка: протяжно, так громко и с таким надрывом, словно ей тяжёлым молотом дробят кости!

– Долго же она держалась. Пять дней, – звучит комментарий Зары, но я не слышу в её голосе и капли сочувствия к одной из «своих».

– Откуда... откуда этот крик?

– Из пыточной. Комната через две камеры от нашей. Здесь всегда так громко. Ты привыкнешь. Если успеешь, конечно. Тебе ещё не сказали, через сколько дней бой? Тебя ещё должны подготовить.

– Зачем они это делают? – не отвечаю на вопрос Зары. Просто не могу сконцентрироваться на чём-либо другом. – Зачем её пытаются? Для чего?.. – Лопатками вжимаюсь в стену, крепко обнимаю себя руками и трясу головой, просто... просто отказываясь верить, чёрт возьми, что все эти ужасные поступки – дело рук моего народа! МОЕГО!

Да что же мы за чудовища такие?!

– Зачем? – на тяжёлом выдохе переспрашивает Зара. – Не знаю. Возможно, пытаются получить какую-то информацию, а возможно просто играют в садистов. Я не знаю, правда. В любом случае... такого исхода следовало ожидать. Сэйен держалась пять дней. И этот крик, значит лишь то, что они смогли сломать даже такую, как она. Они кого хочешь сломают... уж поверь. Такие уж они – чудовища Новой эры.

Глава 2

Радио-апокалипсис

*Зомби-волна *

Track # 2

Evanescence «My Heart Is Broken»

Сообщение: *Н е н а в и ж у*».

Оката, Эргастул

День шестой

– Что они делают с Сэйен?

– А тебе-то что? – Лопухий Брэдли бросает придирчивый взгляд через плечо, ведя меня вслед за собой по коридору, как собаку на поводке. – Подружка твоя?

– Это вряд ли. Никогда не ладила с суками. Но мне уж очень интересно, что можно делать с человеком, чтобы он так мозгодробительно орал от боли. Почему бы сразу не убить? Так нравится издеваться?

– Во-первых, она не человек. Во-вторых, у нас есть вопросы, а у неё ответы. А в-третьих, её Лафлёр лично допрашивал, так что я особо не в курсе, какие у них там дела. И вообще! Мне так-то трепаться с заключёнными запрещено. Так что заткнись и пошевеливайся.

Лафлёр...

От одного имени этого типа в дрожь бросает и поморщиться хочется.

– Почему меня не допросили? – сверлю взглядом затылок Брэдли.

– А мне откуда знать? – тот вновь в меня глазами стреляет. – Мне что приказывают, я то и делаю и лишних вопросов не задаю. В отличие от некоторых.

Видимо и вправду не знает.

– А что наверху творится? – пытаю удачу разузнать ещё хоть что-нибудь. – Выборы нового предводителя рафков уже начались?

– Да черте что там творится, – раздражённо фыркает Брэдли. – Временную замену ему нашли, а после окончания Кровавого сезона будет видно, как там и что... Ходит слухок, что рафки собираются мирный договор расторгнуть. Ведь их бесценный предводитель под одну из наших пуль угодил. А ты сама знаешь: бледнолицые – те ещё упрямцы! Мало их волнует, видите ли, что пуля была шальной. Да и глушители, «наши» якобы включать не имели права. Бред, чесслово! А вообще... чего это я об этом любительнице чернокровных рассказываю?.. Всё! Пришли! Я буду за дверью. Вместе со своим другом шокером. Поняла?

Открывает передо мной одну из десятков одинаковых дверей в южном крыле и, не жалея силы, толкает в спину.

С громким лязгом, что ещё несколько мучительно долгих секунд эхом отзывается в голове, дверь захлопывается, и я остаюсь наедине с человеком, что пришёл на так называемое «свидание» с заключённой.

Свидание... Ещё недавно наши с Дьеном свидания были совсем другими. Сердце в груди трепетало в предвкушении встречи, в животе от волнения порхали бабочки, а стоило только увидеть его издали на *нашем* месте, тайно приехавшего ко мне в Шэлман из Окаты, и нежная улыбка тут же расцветала на губах, а на душе становилось тепло и спокойно.

Сейчас же не происходит ничего подобного. Сейчас, глядя на его словно камнем застывшую за столом фигуру, внутри меня всё сжимается, мышцы деревенеют, сердце ноет... так

сильно, так больно... И взвыть хочется... от горя, от бессилия, от невозможности помочь человеку, которого я...

Люблю.

Люблю по-настоящему, сильно, всей душой! Всегда любила! Никогда не переставала! Дьен – моя семья; всё, что от неё осталось. Мой лучший друг, мой брат, моя опора... И раньше этого было более чем достаточно, чтобы считать его ещё и горячо любимым мужчиной. Свято верить, он – моя судьба, моя жизнь, мой будущий муж и отец моих детей.

Больше желания в это верить нет.

Да и было ли всё это действительно идущим от сердца желанием, или же простой выдумкой, красивой фантазией, сказкой для принцессы, что однажды выйдет замуж за brave офицера?..

Какой же глупой и наивной я была.

Даже представить себе не могла, что любовь может быть настолько разной.

Девочка, однажды заявившая, что выйдет замуж за соседского мальчишку, сделала это своей целью и дала клятву, даже мысли не допустив, что настанет день и в её тихую и мирную жизнь подобно урагану могут ворваться другие чувства. Живые, сильные, глубокие, ни на что не похожие!.. Когда перед тобой душа нараспашку... Когда эмоции другого становятся твоими собственными...

Если бы только девочка была немного умнее, она бы не давала клятву о вечной любви соседскому мальчишке.

Если бы только девочка могла управлять собственным сердцем.

Если бы.

– Садись, – звучит тихий низкий голос, в котором я не могу прочесть ни одной эмоции. Дьен смотрит на свои сложенные в замок руки на столе. Плечи напряжены, вены на шее вздуты, на виске пульсирует жилка.

Заставляю себя сдвинуться с места и беззвучно опускаюсь на краешек стула напротив.

Не знаю, что сказать... Каким тоном, с каким выражением, да и... с чего начать? Ещё вчера, когда требовала охрану позвать майора, слов было предостаточно, а сейчас подевались все куда-то.

Просто сижу и молчу, не сводя с Дьена глаз. А он ещё долго смотрит на свои руки, прежде чем устремить взгляд мне в лицо. Шумно выдыхает и тут же ставит на стол между нами стеклянный пузырёк с золотистой жидкостью внутри.

– Ты принёс моё лекарство? – Не знаю, зачем спрашиваю об очевидном. Наверное, просто чтобы хоть что-то сказать.

Дьен прочищает горло, откидывается на спинку стула, складывает руки на груди и ещё несколько бесконечно долгих минут сверлит взглядом стол, прежде чем решиться ответить:

– Мне сказали, ты почти не спишь, – кивает на лекарство. – И мне сказали, ты звала меня. Для чего?

– Спасибо, – благодарю за настойку и сжимаю пузырёк в ладони.

– Благодарю Лафлёра. Это он приказал отнести лекарство. – Словно сквозняк мимо пронёсся. Настолько холоден голос Дьена; до мурашек на коже.

– Значит... ты здесь по приказу Лафлёра?

– Говори, зачем звала? – вопросом на вопрос, грубо.

– Ты знаешь зачем.

Глаза Дьена медленно сужаются, а между бровями показывается тоненькая морщинка.

Оценивает моё поведение, мои слова, взвешивает все За и Против.

Я слишком хорошо его знаю.

– Я так понимаю, ты не извиняться собралась?

– А разве тебе нужны мои извинения? Ты всё равно меня не простишь, ведь ничего уже не будет как прежде. И если бы ты думал, что я хочу извиниться, то не пришёл бы сюда.

Дьен выдерживает паузу, сцепливает пальцы в замок и слегка перегибается через стол, глядя на меня из-под тяжёлых бровей:

– Ты хоть понимаешь, что происходит?.. Понимаешь, где находишься, по каким причинам, и какой исход тебя ждёт, а, Эри? Тебя ждёт смерть. И очень скоро.

Не отвечаю. Внутри всё дрожит, сердце колотится, и мутить начинает, но я изо всех сил пытаюсь казаться стойкой. Потому что это, скорее всего, наша последняя встреча с Дьеном, и я просто не могу допустить, чтобы в его последнем воспоминании обо мне я была похожа на жалкого загнанного в угол зверька.

– Я спрашиваю: понимаешь ты, или нет, чёрт побери!!! – ором мне в лицо и кулаком по столу ударяет, так что я невольно вздрагиваю и на несколько секунд с силой зажимаюсь. – Я задал тебе вопрос, Эри! ОТВЕЧАЙ!

– ДА! – внезапно даже для самой себя отвечаю криком. – Понимаю! Я всё понимаю! Я отдаю себе отчёт в том, сколько всего натворила, но я не понимаю, чего ты от меня хочешь?! Теперь! После всего! – И, с трудом сдерживая слёзы, дрожащим шёпотом добавляю: – Что ты хочешь услышать, Дьен?.. Слова о сожалении?.. Слова о раскаянии?.. Ты их не услышишь.

И вновь напряжённая тишина повисает между нами. Глаза в глаза, ещё немного и искры полетят. Или... слёзы польются. *Наши* слёзы. Потому что сейчас... вот сейчас, я узнаю своего Дьена. Он больше не смотрит на меня как на полудохлого червя под ногами. Ему больно. Его переполняют и ярость, и злость, и бессилие. Слишком много всего. По глазам вижу. По тому, как смотрит.

– Зачем ты это сделала, Эри? – тихим надломленным голосом. – Зачем подставилась? Зачем сбежала с этой... *тварью*? Зачем?! Дьявол! Чего тебе не хватало?! – Резко поднимается на ноги и с разворота отправляет стул в стену. – ЗАЧЕЕЕМ?! – Яростно взмахивает руками, а уже спустя миг подлетает ко мне, рывком вздёргивает со стула и грубо встряхивает, рыча в лицо: – Что ты в нём нашла?! Что нашла в этом куске дерьма, который даже смотреть в твою сторону права не имеет?! Чем он лучше? ЧЕМ ОН ЛУЧШЕ МЕНЯ, ЭРИ?!

Толчок, и я лечу на пол, ударяясь затылком о стену. Но даже звука не роняю. До привкуса крови на языке кусаю губу, чтобы не позволить себе наорать на него в ответ! Чтобы не дать воли *своей* обиде, *своей* злости! Ведь ради него старалась! Ради него закон нарушила! Ради того, чтобы сохранить Дьену жизнь!

Я просто не знала...

Боже... я просто не знала, чем это всё может закончиться...

Дьен лихорадочно кружит по комнате, запустив пальцы в волосы, и чертыхается себе под нос. Вот подхватывает второй стул и следом отправляет в стену.

Спустя секунду в приоткрытую дверь просовывается голова Брэдли...

– Пошёл вон! – ревёт на него Дьен, и дверь тут же захлопывается.

Ладонями упирается в стену и, тяжело дыша, опускает голову.

– Просто скажи: зачем? – тихо повторяет вопрос, и я кусаю губу с новой силой. Не должна отвечать. Не могу! Ради него же!

Узнай Дьен о том, что изначально я пошла на всё это ради него, никогда себя не простит... Я просто не могу с ним так поступить. Я уже на дне. А Дьен в шаге от полёта с обрыва. И я не хочу быть той, кто толкнёт его в спину.

«А ведь ещё вчера я размышляла над тем, как буду шантажировать его с помощью знания о том, в кого он превращается...»

Но... нет во мне такой подлости. Не могу. Не умею.

– Потому что так было правильно, – всё что отвечаю, и бешеный взгляд Дьена тут же устремляется мне в лицо.

– Всё?.. Это всё, что ты можешь сказать, после того, что натворила? – губы его дрожат, руки трясутся; замечаю, как сжимает пальцы в кулаки.

– А есть ли смысл говорить больше? – сквозь слёзы горько усмехаюсь. – Это всё уже не важно. – Поднимаюсь с пола и, слегка шатаюсь, направляюсь к Дьену. – Знаешь, – замираю в шаге от него и в глаза заглядываю, – ещё вчера я была уверена, что потеряла тебя. Потеряла того Дьена, каким ты был раньше. Но сейчас вижу... он всё ещё здесь. *Вот здесь*, – мягко касаюсь ладонью его груди и чувствую, как слегка вздрагивает. – Не позволяй своим демонам вырваться на свободу, Дьен. Это всё, о чём я тебя прошу. И даже если однажды ты не узнаешь себя в зеркале... загляни внутрь, вспомни о том, какой ты на самом деле. Вспомни... себя настоящего.

Не знаю, о чём думала и на что рассчитывала, когда потянулась к его лицу, желая лишь оставить лёгкий прощальный поцелуй на щеке, но... я сглупила. *Моего* Дьена осталось слишком мало, чтобы пытаться до него докричаться.

Стальной хваткой пальцы Дьена смыкаются на моём запястье, и я приглушённо вскрикиваю от боли, одновременно с тем, как оказываюсь прижатой лопатками к стене.

– Ты такая же, как она... – шипит ненавистно, нависая надо мной, как большой разъярённый зверь. Лицо перекошено от гнева, в глазах огнём полыхает ярость. – ТАКАЯ ЖЕ! Ты такая же, как моя мать! Предательница!!!

Хватает меня за шею, так что не успеваю даже вдоха сделать, и с силой сжимает пальцами.

– Я любил тебя... Больше жизни я любил тебя, Эриии, – дрожащим, хриплым голосом, где каждый звук пропитан болью и гневом, а по щекам его сбегает слёзы. – Как ты могла?.. Как... как могла променять меня на эту тварь?! КАК?!

Слишком поздно – внутренние демоны Дьена уже выпущены на свободу. А я стала одной из тех, кто помог им её обрести.

– Я знаю... что с тобой... происходит... – хриплю из последних сил, даже не пытаюсь сбросить его руку со своей шеи; не выйдет. – Ты... меняешься... Ты... становишься одним из них... Одним из тех... кого ненавидишь...

На несколько мгновений глаза Дьена застывают, взгляд кажется направленным внутрь себя, в то время, когда мои глаза застилает пелена, а сознание вот-вот отключиться от нехватки кислорода. Но вот его пальцы разжимаются, и кулак врежется в стену рядом с моей головой, а уже в следующую секунду я сползаю на пол и судорожно хватаю ртом воздух.

– Говори! – звучит приказ сверху, и я поднимаю на Дьена глаза. – ГОВОРИ!!!

– Тебя... заразили, – отрывисто дыша, выдавливаю из себя буквально по букве. – Около трёх месяцев назад. Времени почти не осталось, скоро ты... скоро ты... станешь... одним из них. Ты станешь мормом, Дьен. Ты уже... почти им стал.

Секунда тишины. Две. Три.

– Кто?.. – почти беззвучно произносит и опускается передо мной; теперь наши лица на одном уровне.

– Я... я не знаю.

– КТО?! – хватается за плечи. Встряхивает. – Кто, Эри?! КТО?!

– Я НЕ ЗНАЮ! НЕ ЗНАЮ!

«Я не знаю, почему защищаю Сэен.»

Хочется орать от бессилия! Хочется рассказать Дьену, кто с ним так поступил, но... Можно не сомневаться, что уже через несколько минут после этого, Сэен сделает свой последний вдох, после чего Дьена возьмут под стражу, он предстанет перед советом и обязан будет ответить за поступок, который совершил. Ответить за превышение должностных полномочий и за убийство пленницы, которая всё ещё нужна намалам! Это уничтожит Дьена... Лишит его последнего шанса на...

– Ты должен бежать, – смотрю на него сквозь застывшие в глазах слёзы. – Это единственный выход. Ты должен... спастись.

– Тогда бежим со мной, – отвечает спустя паузу и наконец перестаёт сжимать пальцами мои плечи. А смотрит так, словно и не душил меня минуту назад. Смотрит так, словно я всё ещё его хрупкая любимая Эри, которую он клялся всегда защищать и никому не давать в обиду.

«Где же ты, Дьен?..»

«Что же с тобой стало?.. Куда ты пропал?..»

– Бежим со мной, Эри... – берёт моё лицо в ладони и припадает лбом к моему лбу. – Мы сможем. Вместе мы всё сможем, ты же знаешь... Ради тебя я... Чёрт. Ради тебя я попытаюсь справиться с *этим*. Помоги мне справиться с *этим*, Эри...

Не отвечаю. Не могу ответить. Не знаю, что ответить!

– Всё слишком далеко зашло, Дьен, – всё, что удаётся выдать сквозь рыдания.

Тишина.

– Значит, нет? – мрачный смешок вырывается из рта Дьена, руки падают по швам. Выпрямляется и отходит в сторону. – Ты же любишь всяких тварей, – голосом пропитанным ядом, стоя ко мне спиной. – Разве я не прав? Ты же... грёбаная любительница мёртвых! Так в чём проблема, Эри?! А?! – вновь подлетает ко мне, хватая за плечи, вздёргивает на ноги. – Если я теперь такая же тварь, сбеги со мной! Будь со мной! Люби меняяяя!!!

– Я... я не могу... – всхлипываю, дрожа в руках Дьена. – Я не могу!

Я не могу сбежать.

Я не хочу.

И я не знаю этого парня. Это не Дьен. Это – *зараза*, которая жила и пускала корни в его сердце долгие-долгие годы.

– Я не могу, – повторяю решительней.

– Аааа... ну, да, конечно не можешь! Как это ты без своего уродца сбежишь?.. – Холодный отрывистый смех вырывается из рта Дьена, глаза становятся дикими. – Уже трахалась с ним? А, Эри? Трахалась с этим черноковым выродком? Раздвинула перед ним ноги, да? И как тебе член морта? Понравилось?!!

– Остановись.

– Я спрашиваю: ПОНРАВИЛОСЬ?!

– Остановись, Дьен! Хватит!

– А что не так? А?.. – давясь безумными смешками, вдруг вжимает меня в стену, одной рукой удерживает на месте, а второй, одним резким движением срывает с меня штаны; старая ткань тюремной робы рвётся по швам и оставляет меня в одних трусиках.

Пытаюсь кричать, пытаюсь вырваться, пытаюсь дать отпор, оттолкнуть от себя слетевшего с катушек Дьена, но он слишком проворен и силен. Можно не сомневаться – в нём уже есть сила морта.

Гремит пряжка ремня...

– Куда же ты, Лисёнок? Почему убегаешь?..

Спина ударяется о бетонный пол...

– Я ведь теперь тоже тварь! Расслабься, Эри!

Срывает с меня трусики. Бросает в сторону...

– Тебе понравится.

С первобытной силой обрушивается на мой рот в глубоком жадном поцелуе...

Пальцы жадно хватают, мнут тело. Причиняют боль...

– Не надо... Не надооо, Дьен... Прошу, не надо! Не поступай так со мной!

– Помнишь, нашу клятву? – насильно раздвигает мне ноги. – «Я буду вечно любить тебя, Лисёнок». Что ты должна ответить?.. Ну?..

Отвечаю на вопрос.

– Что-что? Не расслышал. Повтори, Лисёнок.

– *Ненавижу.*

Заглядывает мне в глаза с жестокой, холодной улыбкой на губах, упирается в меня головкой члена, и я с силой зажмуриваюсь, понимая, что сейчас ворвётся в меня, изнасилует...

...и мне придётся как-то с этим жить...

Хорошо, что недолго.

Собирается сделать первый толчок, но вдруг, словно в судорогах, трясётся надо мной и тут же заваливается на бок, теряя сознания. А перепуганный до смерти Брэдли с бледным, как простыня лицом, стоит над нами и держит в руке шокер.

– М-м-мне к-конец, – сглатывает и с паникой во взгляде смотрит на вырубленного шоке-ром майора кинжалов. – М-мне точно конец.

– Ничего тебе не будет, – повторяю, едва шевеля языком. – Дьен ни за что никому не признается в том, что пытался сделать. Его разжалуют.

– Уверена? – протягивает звонким, натянутым голосом. – А я вот почему-то нет. И мне чертовски страшноооо... Чёрт! Чёрт! Чёёёёрт...

– Спасибо, – заглядываю Брэдли в глаза и благодарю со всей искренностью, на какую только сейчас способна. – Ты всё сделал правильно. – И добавлю то, что он хочет слышать: – Ты предотвратил преступление. Для меня ты теперь герой.

– Ну... я, просто... Просто выполнял свой долг, – мямлит. – Да и потом...

Но договорить не успевает.

– Дерьмово выглядишь, подруга. Свидание не удалось? – улыбающееся лицо Зары проплывает перед глазами, и я из последних сил заставляю себя не отключаться, ногам не подкашиваться, а векам держаться открытыми.

– Куда вы её ведёте? – замираю у двери в камеру, в которую меня практически дотащил на себе Брэдли, хватаюсь за стену, чтобы не рухнуть на пол и непонимающе смотрю то на Зару, то на двух конвоиров, один из которых сейчас затягивает верёвку на её запястьях.

– В камеру к бойцу, – легкомысленно отвечает Зара. – Ну, к тому самому, который послезавтра, скорее всего, сдохнет, и тем самым отправит меня на корм милым пушистым пёсикам. Видишь ли, эти придурки считают, что если боец успеет проникнуться симпатией к своей ставке, то и сражаться будет эффективнее, защищая «своё». Бред, скажи?

Резко отворачиваюсь в сторону, и меня рвёт на пол всем скудным содержимым желудка.

– В камеру её! Чего ждёшь?! – рявкает один из охранников, и Брэдли тут же хватается за меня под руки и толкает к двери.

– Почему не сказала? – выдыхаю едва слышно, пытаюсь отыскать взглядом лицо Зары, но сознание моё уплывает, всё вокруг превращается в безумную карусель из мрачных пятен.

– А зачем тебе об этом знать, подруга? – словно из-под воды слышится весёлый голос Зары, а следом... либо у меня начались галлюцинации, либо она действительно сказала это: – Ты ведь спасёшь нас, правда, Эмори?.. Ты ведь спасёшь нас?..

– Ну! Пошла, тварь!

– Спаси нас! Спаси нас всех, Эмори! Спаси!

Полёт. Удар о пол. Хлопнула дверь. И я, наконец, отключилась.

Спустя два дня в камеру Зара так и не вернулась.

Эргастул

Три дня спустя

– Бой завтра в полдень. У вас полутора суток, голубки. Развлекайтесь! – Незнакомый охранник, который привёл меня в крыло, где содержат бойцов, толкает в спину и уже спустя секунду тяжёлая стальная дверь захлопывается за моей спиной.

Лязг засова. Щелчок замка. И в глубине камеры, погружённой в непроглядную темноту, вспыхивают два горящих неоном глаза цвета аквамарины.

– Я знал, что это будешь ты.

– Тебе не сказали? – шепчу опустошённым голосом. Делаю шаг вперёд. Замираю.

– Нет, – спустя долгую паузу негромко отвечает Килиан и тут же спешит добавить: – Не подходи!

Если бы он сказал мне это в «той жизни», когда мы только познакомились, я бы, вероятно, послушалась. Но не теперь. *Не «в этой жизни».*

В несколько больших шагов настигаю его, опускаюсь на колени и... и просто хочу коснуться его, убедиться – здесь, реален, не галлюцинация.

Протягиваю руку...

Его щека такая горячая, щетина колется и, пожалуй, за последнюю адскую неделю это лучшие ощущения из всех, что я испытывала.

– Эмори... – предостерегающе.

– Нет. Не в этот раз, – перебиваю, головой качая, и уже в следующую секунду крепко обнимаю его за шею, прижимаюсь к широкой груди, утыкаюсь носом в шею и делаю глубокий вдох, наполняя лёгкие *его* запахом.

Голова кругом... И плакать вновь хочется, но уже от облегчения. Да, от столь неуместного в нашей с Килианом ситуации облегчения. Потому что рядом он. Потому что до этой минуты я даже не представляла, насколько это важно... Насколько нуждаюсь в моём бойце.

Я больше не хочу отрицать того, что чувствую.

Я хочу чувствовать его всего. Дышать его запахом, прижиматься к нему всем телом, испытывать его эмоции, чувствовать их, как свои, видеть его душу, быть с ним одним целым... Хотя бы сейчас. Хотя бы эти сутки. Ведь у нас осталось так мало времени...

Но... что-то не так.

С Килианом что-то не так. Точно знаю.

– Эморрри! – вдруг яростно рычит и с силой отталкивает меня в сторону, к стене, подальше от себя.

Не знаю, сколько проходит времени, пока я молча слушаю его шумное отрывистое дыхание и чувствую себя абсолютно сбитой с толку, а ещё до ужаса напуганной. За него. За Килиана.

– Я же сказал: не подходи. Рядом с тобой у меня пульс зашкаливает, – наконец звучит низкий хриплый голос, и в предчувствии ужасного меня бросает в ледяную дрожь.

– О чём... о чём ты говоришь? – не понимаю его.

– Они вживили мне кардиостимулятор. Усовершенствованный кардиостимулятор. *Оружие*. Если мой пульс превысит допустимую норму... прибор остановит моё сердце. Это страховка. Их страховка. На случай если я решу выиграть бой, который не должен выигрывать.

Глава 3

Радио-апокалипсис

*Зомби-волна *

Track # 3

Lena Fayre «Colors of leaving»

Оката, Эргастул

– Какими были твои родители? Расскажи о них.

– Для чего? Их давно уже нет в живых.

– Да, но... они живы в твоей памяти. Расскажи.

Хочу узнать о Килиане как можно больше. Пока ещё есть время.

Хочу знать, были ли у Килиана друзья, и какой была выбранная для него пара, – невеста, с которой они не успели вступить в брак. Мне, правда, интересно. Всё, что может быть связано с ним. Интересно, были ли радостные моменты в его жизни, а если были, то какие?.. Когда у него день рождения, какой у него любимый цвет... Боже, любимый цвет?.. Словно Килиан может ответить на такой глупый вопрос. Есть ли у него вообще любимый цвет?..

Хочу знать, в какой колонии он рос, кем был её старейшина, какими были родители Килиана, его сестра и тот самый старик Отто, о котором боец упоминал не раз.

Знаю. Кому может понравиться, когда бередают старые раны? Но сейчас, именно эти раны – всё, что у нас двоих осталось. У каждого свои. Одна глубже другой.

Мы сидим в противоположных углах камеры, в непроглядной темноте. Но я знаю, что Килиан видит меня, а мне достаточно его глаз напротив. Они как якорь цепляют; горящие синевой, холодные и яркие, как звёзды, нет... как целые мириады звёзд, за каждой из которых – вселенные, неразгаданные и таинственные.

– Мой отец... он... – спустя долгую паузу звучит тихий голос Килиана. – В каждой колонии есть ответственный за обучение детей письму и чтению. Этим мой отец и занимался.

– Значит, твой отец был учителем, – говорю утвердительно, и на душе вдруг так тепло стало от того, что Килиан поделился со мной частичкой своего прошлого, что впервые за последние дни губы тронула улыбка. – Значит, тебя тоже он обучал?

– Да. И Далию тоже.

– *Далия*, – повторяю, словно пробуя имя на вкус. – У твоей сестры красивое имя.

– *Было*, – поправляет Килиан, но вовсе не сердито, скорее... с печалью. – Мать назвала её в честь «*Одних из самых красивых цветов в мире*». В каком-то старом журнале увидела, когда ещё сама ребёнком была.

Кровь. Крики толпы. Боец в яме... Стоит на коленях... Слёзы на лице, а на руках мёртвая, истерзанная псами сестра...

– Далия и вправду очень красивый цветок, – шепчу.

– Не знаю. Никогда не видел.

– У моей матери был небольшой сад за домом. Там она и Далии выращивала; тебе бы они понравились.

Не отвечает. И отводит взгляд.

– А чем занималась твоя мама? – продолжаю интересоваться. Вот так просто, без стеснений, неловкости и напряжения; этому всему в нашей истории уже не осталось места.

– Моя мать была добытчиком.

– Добытчиком? – Мне не слышалось?..

Видимо, удивление в моём голосе повеселило Килана, потому как тот приглушённо усмехнулся и повторил:

– Да, добытчиком. И охотником. Женская работа была не по её части. Едва Далия сидеть научилась, как я стал её круглосуточной нянькой, а мать продолжила вылазки с отрядом добытчиков; у отца и без того забот в колонии хватало.

– Сколько тебе было?

– Когда Далию посадили мне на шею?.. Шесть.

«Совсем ещё ребёнком был». – Вслух сказать не решаюсь. А слёзы вновь душат. Ведь выходит... Килиан практически в одиночку вырастил свою сестру?..

Теперь я ещё лучше понимаю боль его утраты.

– Что насчёт тебя? – спустя паузу тишины, без капли колкости, спрашивает. – Не жалеешь о сорвавшейся свадьбе?

– А ты? – вопросом на вопрос.

Не отвечает, но я почему-то уверена, что сейчас на его губах блуждает улыбка. Просто чувствую это.

Решаю подобраться поближе, – на расстояние двух шагов между нами. И в этот раз Килиан не требует вернуться обратно.

Тяжело вздыхаю.

– Я так и не дала своё согласие, – припадаю спиной к стене, и сцепливаю пальцы в замок, потому как желание коснуться Килиана слишком велико. – У нас всё иначе. Никто не выбирает тебе пару. Никто не заставляет вступать в брак поневоле.

– Ты не ответила на вопрос, – так пристально мне в глаза смотрит, что мурашки расползаются по коже. – Не жалеешь о том, что ваша с майором свадьба теперь уже вряд ли состоится?

Молчу. Дышать вдруг тяжелее становится, и как маятник из стороны в сторону бросает, – настолько противоречивые эмоции я испытываю.

Жалею ли я, что у нас Дьеном всё так печально закончилось? Конечно, да.

Жалею ли я, что не выйду за него замуж?.. Ответ очевиден.

– Ты ведь почувствуешь, если твой пульс участится? – задаю *свой* вопрос.

– Да, – спустя паузу, голосом с хрипотцой, – но я не знаю предела.

– А что если я просто возьму тебя за руку?

– Не стоит этого делать, Эмори, я...

Не договаривает, – замолкает резко, потому что я уже взяла его за руку, просто не смогла и дальше бороться с желанием коснуться.

– Даже дети держатся за руки, в этом нет ничего плохого. Как пульс?

– В норме.

А у самой вот сердце чаще забилося, а по телу разлилось тепло: от макушки и до самых кончиков пальцев, которые сжимает в своей большой ладони Килиан.

– «Нет» – это ответ на мой вопрос, – шепчу, глядя в горящие неоновые глаза. – Больше нет. Больше не жалею. – И голос дрогнул. Пришли недавние воспоминания... Обида и злость на Дьена затопили, сердце сжалось, а в глазах зашипало.

– Ты виделась с ним. – Это не вопрос. Боец слишком хорошо чувствует меня. – Что он сказал? Он сделал тебе больно?.. Эмори!

– Я не хочу говорить о нём сейчас, – вновь Килиану в глаза заглядываю. – Пожалуйста.

– Что он сделал, Эмори?!

– Ничего, – трясусь головой, не желая сейчас говорить на эту тему. – Он ничего не сделал. Не смог. Правда! Давай не будем говорить о Дьене?

Пауза тишина.

Шумный выдох Килиана...

– Хорошо, – ... и его вторая ладонь оказывается на моей щеке.

Подушечкой большого пальца поглаживает скулу, и меня накрывает новой волной чувств. Таких смешанных... И нежность, и грусть, и страх, и волнение...

– Иди сюда, – Килиан привлекает меня к себе, обняв за плечи, и я оказываюсь прижатой к его широкой груди.

Осторожно обнимаю его за талию и с силой зажмуриваюсь, прогоняя слёзы.

– А как же «Я же говорил тебе, что так будет, Эмори»? – Голос мой дрожит.

– *Я не знал, что так будет, Эмори*, – обнимает меня крепче. – Я не знал.

– Как дела с пульсом?

Чувствую, как пожимает плечами:

– Неплохо.

Теперь я тяжело вздыхаю.

– Сэйен у них, – считаю нужным сообщить. – Её пытаются. Я слышала, как она кричит.

К моей огромной неожиданности, Килиан мрачно усмехается:

– Сэйен кричит? Серьёзно? Поверь, какой бы страшной не была пытка, и какой бы сильной не была боль, гордость не позволит ей даже звука проронить.

– Тогда зачем она это делала?

– Просто напомнила тебе о себе.

Вот как?..

Приподнимаю голову и смотрю Килиану в глаза:

– В таком случае Сэйен напоминала не о себе, нет... А о том, что мы должны сделать.

О том, что всё ещё можно исправить.

– Да. И мы не собираемся этого делать, – голос Килиана звучит предостерегающе. – Или ты успела поменять своё решение, Эмори?

– Нет, я... Нет.

Качаю головой и замолкаю.

На самом деле я больше не уверена в том, что приняла верное решение.

Это черта, к которой Сэйен подвела нас всех. Назад дороги нет, – там теперь обрыв. Либо прыгнуть вниз, либо переступить черту.

– Не делай этого, Эмори, – Килиан берёт моё лицо в ладони. – Не пытайся скрыть то, что чувствуешь.

– Я не знаю, что я чувствую! – горячо заверяю. – Я запуталась... Но что, если... что если изменив прошлое у нас действительно появится шанс на лучшую жизнь?

– Эмори...

– Только подумай: всего этого уже не будет, война никогда не начнётся, а наши любимые и близкие не погибнут от руки врага! Твои родители, Килиан... Твоя сестра! Далия будет жить! Она не погибнет в яме!

– Эмори! Ты заблуждаешься!

– Для чего вообще существует Инфинит? – обхватываю его запястья пальцами. – Что если именно для того, чтобы сделать этот мир лучше? Исправить ошибки, допущенные в прошлом?

– Теперь ты веришь Сэйен?.. У неё есть лишь её слепая вера в это, и никаких доказательств!

– Но что если они и не нужны? – восклицаю с надеждой. – Что если и нам... просто нужно поверить в это? Поверить в то, что наше с тобой предназначение – изменить прошлое, сделав настоящее лучше, чем оно есть сейчас.

Тишина.

Он знает... Точно знает, что изменить прошлое – наш единственный выход из этого Ада. Сдаться, или сделать много-много ходов назад, чтобы переиграть историю – выбор за нами.

– Я не хочу тебя терять, – шёпотом слетает с моих губ и слёзы горечи вырываются на свободу.

– Я не проиграю, – уверенно отвечает Килиан. – Даю слово. Я ни за что не проиграю этот бой! Я не проиграю тебя, Эмори.

Сквозь слёзы мрачно усмехаюсь:

– В твою грудь вшит чёртов кардиостимулятор, способный лишить тебя жизни в любую минуту, а ты веришь в то, что бой закончится в твою пользу? В нашу пользу?.. Этого не будет, Килиан. И ты это знаешь. А даже если и случится чудо, и ты одержишь победу... что дальше? Вновь рабство? Вновь ямы?

Килиан заводит ладонь мне за шею, резко притягивает к себе и припадает лбом к моему лбу. Слышу, как тяжелеет его дыхание.

– Я знаю то, что всё идёт своим чередом. И если суждено, то однажды эта кровопролитная война закончится! И однажды, пусть даже через сотни лет, на земле наконец наступит мир. И я точно знаю, что вмешиваться во время и в ход событий нельзя. Никому и ни при каких обстоятельствах. Мы не Боги, Эмори, чтобы позволять себе играть с историей человечества. Это не приведёт ни чему хорошему, поверь.

Должна ли я ему верить?..

И должна ли верить в чудо, что нас ещё можно спасти?..

А как же все остальные? Те, кто погиб во имя веры в меня! Во имя веры в то, что я дам всем второй шанс на жизнь?.. Ослеплённые, вдохновлённые речами Сэйен... Погибшие во имя справедливости!

Чёрт бы побрал эту справедливость!

Кладу ладонь Килиану на грудь и с ужасом понимаю, как громко и часто бьётся его сердце. Из-за меня.

– Я... я лучше вернусь в свой угол, – торопливо сообщаю, вскакиваю на ноги и собираюсь выполнить сказанное, но в этот раз Килиан сам меня не желает отпускать; поднимается следом, ловит за запястье и снова притягивает к себе.

– Нет, не надо, – бормочу, заикаясь от страха, пытаюсь сбросить с себя его руки и поскорее отстраниться, но не выходит. Что – моя сила по сравнению с силой морта?.. – Килиан, твой пульс! Что ты делаешь?! Ты должен...

– Я его контролирую, – одной рукой обнимает меня за талию, вторую заводит за шею, и у меня внутри происходит настоящий бунт эмоций, взрыв ощущений. От грани до грани.

– Нет, не контролируешь!

– Контролирую.

– Нет, не контролируешь! Килиан...

– Я знаю, что делаю. Ты должна научиться доверять мне, – шепчет мне в губы, так что сердце в груди замирает, а дыхание становится частым и отрывистым.

Желание вновь почувствовать вкус его губ сводит с ума, а от страха за то, что этот поцелуй может закончиться смертью бросает в ледяную дрожь.

– Не слишком ли поздно для того, чтобы чему-то учиться? – выдыхаю отрывисто, дрожащими пальцами касаюсь его обнажённой груди, подушечками осторожно скольжу по старым рубцам, к напряжённой шее...

– «Учиться никогда не поздно», – так говорил мой отец. Но лишь после встречи с тобой я понял весь смысл этого выражения. – Одна рука зарывается мне в волосы, вторая опускается на поясницу. Рывок. И я всей грудью прижимаюсь к груди Килиана.

Судорожно сглатываю, дрожу, как лист на ветру в его больших и крепких руках, дышу им, провожу сквозь себя каждый удар его сердца и впервые... впервые с момента нашего знакомства не чувствую вины перед Дьеном.

Так должно было быть.

Так пусть так и будет! Ведь счёт за поступки уже выставлен, и скоро придёт время платить.

Проводит кончиком носа по скуле и нежно, практически невесомо целует в уголок рта.

Замирает. И какое-то время не двигается, словно выжидая чего-то, но всё ещё держит меня так крепко, что можно даже не думать о новой попытке отстраниться, – не отпустит. С огнём играет.

– Знаешь, почему я спас тебя тогда, в яме, четыре года назад? – шепчет, целуя меня в другой уголок рта, и в этот раз не отстраняется сразу, плавно перемещается к центру губ и вновь целует. И во всей этой невинности и нежности я чувствую столько страсти и желания, что голова идёт кругом, земля из-под ног уплывает.

– П-потому что я защитила тебя. Потому что ты не мог позволить собрату убить невинного, – отвечаю на вопрос, будучи точно уверенной, что это так, но слегка отстранившись от моих губ, Килиан говорит другое:

– На самом деле уже тогда ты каким-то образом сумела почувствовать то же, что чувствовал я. Вся та боль... моя боль, моё отчаяние, разрывающееся от горя сердце, слепая ярость затмевающая разум, злость на весь этот проклятый мир... всё это я почувствовал от тебя. Словно взглянул на себя твоими глазами, Эмори. Ты впитываешь в себя каждую мою эмоцию, – уже тогда я это понял. Впервые в жизни... кто-то настолько глубоко смог почувствовать то же, что чувствую я. Я не знаю, как это возможно, но это всё ты, Эмори. – Касается губами моих и томно шепчет: – Как бы я не пытался отрицать это... ты с самого начала была для меня особенной.

На этих словах огонёк свечи раздувается во всепоглощающее пламя, для которого обнажённые друг перед другом чувства становятся сильнейшим топливом. Границы стираются, предрассудки исчезают, нет трёх рас, нет предназначения, нет тюрьмы и заточения в ней. Есть только я и Килиан, сплетение наших рук и тел, и губы познающие вкус друг друга. Настоящий вкус, истинный, безо лжи и притворства.

Зная о риске, не можем остановиться. Всё ярче, всё глубже целует меня, а я отвечаю, сгорая от желания, чтобы этот момент длился как можно дольше. Его дыхание на моей коже, руки ласкающие тело, жадно, но без грубой силы. Властно, но не подчиняя.

Тугие мышцы спины перекачиваются под моими ладонями. Напряжённая шея горячая и влажная, а ёжик коротких волос приятно покалывает пальцы. Дыхание наше сливается, становится чаще, отрывистей. Воздуха не хватает, как и стойкости перед желанием броситься в омут с головой и будь что будет...

Вдруг толкает меня к стене, а сам отступает на шаг назад. Шумно, тяжело дыша, скользит по моему телу голодным взглядом своих неоновых глаз, словно кубиком льда по разгорячённой коже, и внизу живота разливается пожар. Ноет, пульсирует. Каждой клеточкой кожи изнываю от желания... чтобы вновь коснулся, чтобы ласкал, дал себя почувствовать, прижал к груди, жадно, с потребностью, и страстно со всем отчаянием поцеловал.

Шаг вперёд. *А стоило бы в сторону, подальше от Килиана.*

Судорожно сглатываю. Тянусь к нему всем своим естеством.

И резко опускаю руки... «Чёрт, что же я делаю?.. На что обрекаю его?»

Два шага назад. Спрятаться, сбежать в свой тёмный угол, накричать на Килиана, чтобы не смел приближаться! Чтобы не трогал меня себе же во вред, но...

Обхватывает меня за талию – ловко, с силой, – и рывком притягивает к себе, сходу обрушиваясь на мой рот в поцелуе. Языком стремительно врывается в рот, и я, задыхаясь от чувств и нехватки воздуха, отвечаю тем же.

Страсть накрывает с головой, напрочь лишает рассудка... Обвиваюсь руками вокруг его шеи, с силой впиваюсь в кожу пальцами, и целую Килиана так, как никогда не целовалась

прежде. Даже понятия не имела, что возможно испытывать настолько сумасшедшее, неистовое, первобытное желание всецело кому-то принадлежать!

Забирается под робу и рисует круги на покрывающейся мурашками коже... Накрывает грудь ладонью, ласкает, жадно мнёт. Губами припадает к шее и из моего рта вырывается протяжный стон. А затем...

Затем всё превращается в сущий кошмар.

Наш огонь горел вечность и совсем ничего, перед тем, как Килиан вздрогнул в моих руках, напрягся, замер... А затем резко отстранился и упал на пол, протяжно, болезненно захрипев:

– Отходи... Отходи, Эмори...!!!

И двух секунд не прошло, а я уже забила в дальний угол, сжалась в комочек, с силой зажала рот ладонью, чтобы не разрыдаться в голос, чтобы не закричать: ни охране с просьбой о помощи, ни с мольбой всем Богам с той же глупой просьбой, ни Килиану, умоляя не сдаваться!

Молчать. Молчать. Молчать! Словно и нет меня здесь! Сидеть тихонько, как мышка, не напоминать о себе, слушать его болезненные кряхтения на полу и дрожать в немых рыданиях мысленно проклиная себя за то, что не отвергла, пошла на риск вместе с ним!

«Пожалуйста... Не сейчас... Не забирайте его у меня. Не сейчас!»

Стало тихо. Так пугающе тихо, что не сдержалась – всхлипнула, подалась вперёд, но тут же услышала в ответ:

– Всё хорошо, – тихое, обессиленное. – Я в порядке. Только... не подходи.

– Больше не делай так!!! – сорвалась одновременно и на громкий отчаянный крик и на судорожные рыдания. – Никогда не смей так делать, пока у тебя в груди эта дрянь!

– Постараюсь, – ещё тише в ответ, одновременно с коротким смешком. – Но не обещаю.

– Зачем? – На смену страху в одно мгновение пришла злость на Килиана. – Говорила же: не нужно! Совсем спятил?! Жить надоело?! Чёрт бы тебя побрал, Килиан! Зачем нужно было так рисковать?!

– Ну... – тяжело протяжно выдыхает. – Во-первых, теперь мы точно знаем предел частоты пульса; а его нужно было проверить. Во-вторых... сопротивляться желанию поцеловать тебя было слишком невыносимо. А в-третьих... нужно же было как-то закрепить доверие между нами.

– Издеваешься?!

Из темноты вновь доносится приглушённый смешок, и Килиан открывает глаза, устремляя взор на меня.

– Я не шучу, Эмори, – говорит предельно серьёзно. – Мне нужно, чтобы ты доверяла мне, потому что завтра... тебе придётся довериться своему врагу. И я прошу тебя сделать это во что бы то ни стало.

– Что? – Не понимаю. – О чём ты?.. Завтра бой.

– Именно, – ещё решительнее. – И если ты доверяешь мне, то завтра сделаешь всё, что скажет тебе Лафлёр.

Глава 4

Радио-апокалипсис

*Зомби-волна *

Track # 4

Black Veil Brides – «Lost It All»

Оката

День боя

Я в клетке. Бой вот-вот начнётся. И я понятия не имею, что делать, кому верить и *во что* верить. В себя и свои возможности, или же в то, что Ален Лафлёр – сам главнокомандующий Окатанских чёрных кинжалов, действительно заинтересован в нашем с бойцом спасении... Да с чего бы вообще? И когда он явиться собирается, чтобы рассказать о сделке? Времени совсем мало осталось.

Несколько часов назад мы с Килианом переступили порог тюремной камеры, и охрана разделила нас: Килиана повели влево по коридору, а меня – обратно в южное крыло, где содержатся ставки.

Но они дали нам минуту на то, чтобы попрощаться... Очередной продуманный ход, для того, чтобы боец, выйдя на арену, приложил максимум усилий, из шкуры вон вылез, если потребуется, но победу одержал и защитил свою ставку.

Минута на прощание. На обещания. На клятву.

– Не смей мне ничего обещать, – зашептала, строго глядя Килиану в глаза.

– Не стану. Это приведёт к новым долгам.

– К долгам?.. Что ты сделал, Килиан? Какую сделку заключил с Лафлёром?

– Тихо, – приложил палец к моим губам, украдкой поглядывая на охрану. Шумно вздохнул и пристально посмотрел мне в глаза: – Я дал тебе слово, что верну долг, Эмори. И я сделаю это, чего бы мне это ни стоило, прежде чем...

– Дело чести? – перебила с нотками осуждения в голосе. – Вернуть долг и уйти достойно? Это ты называешься «бороться»? – Взгляд невольно падает на свежий порез на груди, и я тут же прикусываю себе язык.

Да что вообще я несу?.. Этому парню разрезали кожу, вживили под неё дрянь, способную в один миг лишит жизни, а при зашивании вместо медицинской нити использовали скобы! И Килиан всё ещё не падает духом!

«А что бы делала ты на его месте, Эмори?.. На кого была бы похожа?»

– Прости, – прошептала виновато.

– Это ещё не конец, – шепнул в ответ Килиан, мягко сжимая моё плечо пальцами.

– Время!!! – вмешался в наше прощание дылда Грэг, приставленный ко мне вместо Брэдли, и последовал толчок в спину.

Мы с Килианом попрощались взглядами. Его взгляд говорил: «Сделай то, о чём я прошу. Доверься мне. Доверься Лафлёру». А мой взгляд не давал ему обещаний, он молил об одном... «Борись до последнего».

Борись, не сдавайся...

– Ну и каково это? Родиться человеком и знать, что умрёшь тварью? – гадким голосочком протянул Грэг, ведя меня вслед за собой по коридору. Бросил насмешливый взгляд и тут же безглаголиво фыркнул, при виде моего каменного лица. – Типа всё равно тебе? Типа смелая? Ну

да, ну да, – приглушённо рассмеялся. – Стала бабой морта, теперь и ведёшь себя как морт? Ха! Думаешь, я боюсь тебя, Эмори?.. А?.. Я спрашиваю: думаешь, боюсь тебя? Грязная ты, лживая сучка! – Притормозил, натянул веревку, за которую вёл меня, словно на поводке и резко дёрнул на себя.

Ноги подвели, и я плашмя полетела на пол, со свистом выпустив воздух из лёгких. Сволочь.

А я ещё Брэдли считала гадким и бесчеловечным... На деле же Брэдли и рядом с этой тупой шпалой не стоял!

Не успела и вдоха полного сделать, как голову вдруг сотрясла такая острая боль, что перед глазами фейерверком взорвались разноцветные пятна, изо рта невольно вырвался приглушённый стон, а из носа брызнула горячая жидкость.

– Красная, – далёким эхом до сознания донёсся голос Грэга. – Твоя кровь... красная. – Присев передо мной на корточки кивнул на небольшую лужицу, медленно расплзающуюся по полу, и со всем омерзением в голосе добавил: – Ты недостойна того, чтобы эта кровь текла по твоим венам! Вот какой крови ты достойна, тварь, – грязной, такой же, как и ты! – С громким характерным звуком сплюнул в кровавую кляксу, тут же схватил меня за волосы и ткнул лицом в липкую субстанцию, хорошенько повозив щекой по шершавому полу.

– Эй, Грэг, а нам за это не влетит?

– Заткнись! – зашипел Грэг товарищу. – Я хочу знать, что она чувствует. Что ты чувствуешь, Эмори? А?.. Каково доживать свои последние часы, зная, что твоё имя войдёт в Новую историю, как имя самой гнусной предательницы человеческого рода?.. О тебе будут рассказывать малявкам в школах, для которых ты станешь одним из самых великих злодеев Новой эры. Твоё имя станет синонимом тупости и полнейшему отсутствию мозгов! Как тебе... подышать, зная о том, что уже ничего нельзя изменить?

Ничего нельзя изменить...

Поджав губы и до скрипа стиснув челюсти, смотрела на Грэга без капли сожаления и раскаяния... Холодно, безразлично. Так, как смотрят на людей морты, заточённые в Эргастуле.

Грэг цинично усмехнулся и, вновь впившись пальцами в волосы, вздёрнул меня на ноги.

– Считаешь себя одной из них?.. – с насмешкой глядел мне в глаза. – Ошибаешься, Эмори. Ты ещё хуже, чем они. А знаешь почему?.. Потому что морты подышают мортами. А ты... сдохнешь никем.

Меня передали охране южного крыла, и я ещё успела заметить лёгкое недоумение в их глазах при виде моего разбитого окровавленного лица, но никто из них не обмолвился ни словом – по крайней мере, при мне, – а уже через несколько минут я оказалась в душевых.

Там мне стало понятно, почему солдаты, которых переводят в южное крыло Эргастула, редко на это жалуются, несмотря на то, что служба в этой части тюрьмы считается далеко не самой престижной, – слишком лёгкой, «девичьей», если так можно сказать. Но, такому переводу не возражают не только молодые бойцы, но и старые офицеры...

... здесь ведь можно вдоволь любоваться на обнажённые женские тела.

А, возможно, позволять себе и немного больше.

Самое мерзкое, что среди пленённых мортов полно девочек лет тринадцати-четырнадцати. Уверена, среди охраны найдутся и те, что и с детей в душевых своих грязных похотливых взглядов не сводят.

Чёртовы извращенцы!

Пока слабым напором на меня лилась холодная дождевая вода и, смывая кровь, стекала по лицу и груди розовыми ручейками, двое из таких извращенцев стояли за спиной и делали вид, что всего-то несут службу и ни в коем разе не фантазируют о том, как имеют меня по очереди на этом грязном полу.

– ... я же сказал: даже не думай об этом сопляк! – Услышала их перешёптывание, пока вытиралась полотенцем и одевалась в чистую робу.

– Да она всё равно завтра подохнет. Какая разница в каком она состоянии будет?

– Она ставка, идиот! Ты не знаешь, какой вид должны иметь ставки? К тому же сам майор Кинжалов ясно дал понять, чтобы к его бывшей куколке никто и пальцем притрагиваться не смел.

– А я не под командованием майора.

– Он из Кинжалов! – яростно зашипел один из охранников. – Он одним своим авторитетом тебя насмерть задушит!

Меня не тронули.

Спасибо Дьену за это.

Думаю, это последний хороший поступок, который он совершил ради меня.

И вот я в клетке. Клетка в палатке. А палатки установлены в специально отведенном для этого месте, рядом с ареной. И судя по шуму снаружи, в Окату съехались даже самые ленивые из самых ленивых представителей своего рода; включая рафков. Хотя... сложно представить ленивого рафка. Зато представляя себе его, вполне реально на какое-то время забыть о том, что ждёт меня и Килиана в ближайшее время. О том ужасе, что вот-вот начнётся...

Его бой. Нам бой.

Боже... зачем я обманываю себя?.. Об этом невозможно забыть. Пусть внешне я кажусь собранной и готовой к чему угодно, внутри же всё дрожит от панического ужаса.

– Добрый день, Эмори, – раздаётся совсем рядом негромкое, и я подпрыгиваю на месте от неожиданности, едва не врезаясь макушкой в стальные прутья.

Боже... чуть сердце не остановилось от испуга.

Лафлёр. Стоит рядом с клеткой и пристально смотрит на меня одним своим прищуренным глазом.

И когда только успел оказаться в палатке?... Как вообще можно двигаться настолько беззвучно?

В парадном мундире, огненного цвета волосы собраны в тугую и настолько идеальный хвост, что ни один волосок из него не выбивается; руки сложены за спиной, плечи расслаблены, а лицо преисполнено такого безмятежного спокойствия, что хочется поморщиться.

Ну, по крайней мере, на его лице нет эмоций, предвкусывающих начало одного из самых зрелищных боёв сезона, и, несомненно, самого ожидаемого.

– О, прости, кажется, я напугал тебя.

– Нет, – сухо, коротко, без капли вежливости и уважения отвечаю. Больше ни к чему соблюдать субординацию.

Взгляд Лафлёра перемещается на мою правую щёку, на которой остались следы после встречи с полом, которую организовал для меня Грэг, и главнокомандующий шурит глаз ещё больше; в чертах лица замечаю неодобрение.

Это пугает. Это ещё больше вводит в замешательство. Какие же планы на мой счёт у этого человека, раз его, очевидно, расстраивают царапины на моём лице?..

– Что ж, – коротко прочистив горло, Лафлёр делает шаг вперёд, и теперь его голос звучит так, словно у нас с ним деловые переговоры: – Ты умная девушка, Эмори, поэтому я не стану ходить вокруг да около, и сразу перейду к сути нашей встречи.

– О, так у нас встреча? – цинично усмехаюсь и киваю на прутья клетки. – Что ж вы заранее не предупредили? Я бы не стала брать с собой на *встречу* такой боооольшой аксессуар.

Вот он – яд, который появился внутри меня с самого нашего знакомства с этим человеком. С первого взгляда, брошенного на Лафлэра. С первого его сказанного мне слова. Протест, недоверие, подозрение... всё это зародилось во мне, а теперь нашло выход. Когда можно

больше не бояться последствий. Когда на интуитивном уровне понимаешь – перед тобой странный, не внушающий доверия и очень опасный тип.

– Какую сделку вы заключили с Килианом? – спрашиваю решительно.

Бровь Лафлёра в удивлении приподнимается.

– Что? – пожимаю плечами. – Вы же сами сказали: не будем ходить вокруг да около.

– Я не этому удивился, – в голубом глазе появляется странный блеск. – А тому, что ты назвала морта по имени. Вы стали так близки? Всего за несколько дней? Какие у вас отношения? Он рассказал тебе о своём прошлом? А о своей семье?.. О, прости, я не должен задавать всех этих вопросов. Можешь не отвечать, твоё право.

Вот тут, если честно, я ненадолго зависла, глядя на Лафлёра с ещё большим недоверием. А ещё с приоткрытым ртом.

Да кто он такой, чёрт возьми?

– Пропуск, – заставляю себя говорить. – Тот пропуск, что лежал рядом с документами, которые вы просили меня принести в срочном порядке... Он не случайно оказался на вашем столе, я права?

Лафлёр не отвечает, но и в лице не меняется.

– Вы знали о том, что мы с Лайзой планируем сделать?

– Не знал, – коротко пожимает плечами, – но догадывался. Поэтому и ткнул тебя носом в готовый пропуск. Это всё, что я мог сделать, ведь ты бы ни за что не поменяла решение идти на самоубийство. Ты слишком упрямая и слишком самоотверженная.

На какое-то время у меня попросту пропадает дар речи. Всё что могу, это смотреть на Лафлёра и молча теряться в сомнениях и догадках.

– Хочешь спросить: почему было просто не запереть тебя? – озвучивает один из десятков моих вопросов. – И как бы я объяснил это намалу Риону, который велел не спускать с тебя глаз, после того происшествия, когда ты посреди ночи примчалась в Эргастул, чтобы спасти Д-88 от неадекватной охраны?

– За мной... велось наблюдение? – Будто со стороны свой тихий голос слышу.

– А ты как думала? – низко усмехается Лафлёр и расслабленной походкой принимается прохаживаться рядом с клеткой из стороны в сторону, бросая на меня короткие, но чересчур выразительные взгляды. – После смерти отца, ты начала вести себя странно, Эмори. Только слепой мог этого не заметить. Подалась в рекруты, отдалилась от своего возлюбленного, сблизилась с доктором Эргастула, примерила на себя роль медсестры, будучи совершенно незнакомой с медициной. Да и похищение тебя рафками всё ещё оставляло за собой множество вопросов. А то ночное происшествие не только меня одного заставило задуматься над тем, каким же таким волшебным образом ты, Эмори, смогла узнать, почувствовать, что в данный момент с твоим бойцом, происходит нечто очень плохое?.. Что подтолкнуло тебя к тому, чтобы посреди ночи, под проливным дождём, сломя голову броситься в Эргастул?..

Замолкает. Останавливается. И бросает на меня строгий взгляд.

– Вы ждёте от меня ответа?

– Не думаешь же ты, что вопрос был риторическим?

– Не думаете же вы, что я всерьёз на него отвечаю?

– Хм... – кривая, странно удовлетворённая улыбка касается губ Лафлёра, и я с трудом удерживаюсь от желания поёжиться и обнять себя руками; настолько он жути наводит. – Знал, что с тобой будет договориться сложнее.

– Вы не ответили ни на один из моих вопросов, так почему я должна отвечать на ваши? – пытаюсь говорить ровно.

– Ты про пропуск? – устало вздыхает. – Если бы я не подсунул его тебе, Эмори, то и за периметр ты бы так просто не попала; а ты бы в любом случае попыталась. Следовательно, и в тюрьме бы оказалась гораздо раньше, не было бы всей это шумихи вокруг воскресшего из

мёртвых бойца, не было бы боя, который все ждут с таким нетерпением, что даже расторжение мирного договора с рафками отложили на время. А вот твою смертную казнь, скорее всего, уже бы привели в исполнение.

– То есть... вы знали, что меня рано или поздно схватят, вернут обратно и приговорят к смерти?

– Я не провидец, – голос звучит жестче, – но такой исход был вполне вероятен. Я должен был продумать варианты.

– Значит, посадить меня в эту клетку, также было спланировано заранее? – не отрываю тяжёлого взгляда от лица Лафлёра.

– Благодаря этой клетке, ты всё ещё дышишь. Есть возражения?

– Нет. Но есть вопросы. Например, для чего вам всё это нужно?.. Это вы заставили намалов изменить решение, отменив смертную казнь на площади! Это вы уговорили намалов не наказывать меня после ночного происшествия в Эрагстале! Даже пузырёк с лекарством мне через Дьена передали вы! Для чего?.. Что вам от меня надо?!

Лафлёр выдерживает мучительно долгую паузу, неотрывно глядя мне в глаза. Наконец делает шаг вперёд, обхватывает пальцами прутья клетки и негромко произносит:

– *Ты важна.*

И всё?

Это весь ответ?

Важна не я, а мои способности! Почему бы так прямо и не сказать?

Но я не успеваю озвучить этот вопрос. Лафлёр продолжает говорить:

– Как думаешь, кто сообщил намалу Риону местонахождение нескольких колоний мортов, а также самой Стальной королевы и верных ей рафков?

– Вал, – отвечаю незамедлительно. – Я знаю, что у Вала и Риона была договорённость. Как и у Вала и Сэйен, но кто-то предал их.

– Ты, правда, так считаешь? – с пренебрежением усмехается Лафлёр. – О, Эмори, твоя вера в лучшее в людях порой бывает так слепа...

– Красный шатёр на площади города-призрака, был обозначен местом, по которому нельзя открывать огонь!

– Да! – Лафлёр всплескивает руками. – Местом, рядом с которым Стальная королева собрала десятки невинных детишек, получив от Вала заверение, что тот договорился с Рионом, и детей не тронут? Ты об этом? – с долей печали улыбается.

– Именно. Но всё пошло не по плану, – отвечаю уже несколько не уверенным голосом. Перед глазами вновь стоят кадры с бездыханными, обугленными телами детей-мортов.

– Нет, Эмори, – будто бы с сожалением в голосе отвечает Лафлёр и качает головой. – Всё как раз-таки пошло по плану. По настоящему плану предводителя рафков, исход которого заключался в том, чтобы в городе-призраке не осталось ни одной живой души, за исключением армии Альтури и предводителя рафков, укрывшегося в красном шатре, по которому... огонь и не открывали.

Бред.

– Я видела страх в его глазах! – Не верю ни единому слову Лафлёра. – Вал был напуган!

– Вал? Напуган? – Лафлёр отрывисто смеётся, глядя на меня будто бы с умилением. – Плохо же ты знаешь рафков, девочка. Это было игрой. И с моей стороны тоже. Отчасти. Всё это было обговорено с Валом заранее. Каждый шаг.

– А то, что он Сэйен от пули собой закрыл?.. То, что погиб вместо неё тоже игрой было?

– А вот это... – тяжело вздыхает, – пожалуй, в планы не входило и стало для меня воистину большой загадкой. Видишь ли... дело в том, что главной целью Вала, было избавление от Сэйен. Её смерть. Уж не знаю, по каким именно личным причинам, но... предводитель рафков пожелал избавиться от Стальной королевы с помощью армии Альтури, словно... словно не в

силах это сделать. А в итоге закрыл её от пули собой... Я думал, ты мне это объяснишь, уж очень сильно любопытство.

– Почему бы у Сэйен не спросить? Вы же не так давно лично навещали её в камере пыток, – вновь мой голос полон яда.

– Поверь, Сэйен удивлена не меньше моего, – слабо улыбнулся Лафлёр. – Разве что... Вал восстанет из мёртвых и лично поведает нам о причинах этому недоразумению. Но этому ведь не бывать, верно? – В глазе Лафлёра появляется такой лукавый блеск, который не оставляет сомнений: главнокомандующему известно гораздо больше о замыслах Сэйен, чем любому другому офицеру в Альтури, а, возможно, даже и намалу.

– Зачем вы мне всё это рассказали? – Свою десятки своих вопросов к одному. – Разве имело смысл рассказывать это той, кто готовится отправиться на тот свет?

Лафлёр выдерживает паузу, а когда его голос вновь заполняет палатку, звучит он вполне доброжелательно. Или мне просто кажется?..

– Я рассказал тебе это для того, Эмори, чтобы ты смогла взглянуть на ситуацию иначе, – со стороны. Попытайся. Представь себя красной точкой на карте, от которой в разные стороны разбегаются кривые разноцветные дорожки. Какую ни выбери, по какой ни пойдёшь, а путь предстоит тернистым и нелёгким, а в конце каждого из них... ждёт неизвестность. Множество дорожек, – множество людей с их корыстными планами, и одно единственное связывающее их всех звено... Ты, Эмори. Одни желают твоей гибели, другие – твоей победы, но, так или иначе, всем им нужны ты.

– И вам? – спрашиваю с непроницаемым лицом. – Какая из дорожек на этой карте – вы, главнокомандующий?

Уголки губ Лафлёра приподнимаются в тёплой (что ещё больше жути наводит) улыбке; он разводит руки в стороны, будто бы пытаюсь сказать, что открыт передо мной и тихим мягким голосом отвечает:

– Я, Эмори, та дорожка, на которую ты смело можешь ступить, потому что этот путь для тебя безопасен. И раз уж Килиан доверился мне...

– Только из-за безысходности.

– ... доверяя же и ты.

Тишина.

– Хотите, чтобы я поверила вам только потому, что когда-то давно вы были друзьями с моим отцом?

– Не только поэтому, – отвечает Лафлёр. Подходит ещё ближе к клетке, практически вплотную и едва ли не заговорщицеским тоном протягивает: – Я чувствую твоё разочарование в людях, Эмори. Оно болезненное, глубокое...

– Вы не можете знать, что я чувствую.

– Мне это и не нужно. Всё это я вижу в твоих глазах. Вопрос лишь в том, Эмори, что разглядишь в моих глазах *ты*. Но прежде чем мы выясним это, хочу дать тебе совет... Что бы не случилось, оставайся собой. Что бы ни случилось, не делай *этого*. Всё станет только хуже.

Он знает.

Чёрт возьми! Волосы дыбом! Да кто же этот Лафлёр такой?! Он всё обо всех и обо всём знает! Даже про Инфинит...

– Килиан доверился мне, – добавляет, со всем спокойствием глядя в моё застывшее в смешанных чувствах лицо. – Ты ведь знаешь, он бы не пошёл на сделку, которая способна навредить тебе. Килиан так же, как и я желает помочь тебе. Он хочет спасти тебя от ужасной участи. Так поверь же мне и ты, Эмори... Посмотри мне в глаза, и скажи, что ты видишь.

Плавным движением руки Лафлёр избавляется от чёрной повязки, скрывающей правый глаз, и в тот же миг я с такой силой вжимаюсь спиной в стальные прутья клетки, что становится больно, – спасительно больно, чтобы не потерять сознание от того, что вижу.

Мысли бросаются в рассыпную, – ни одной не остаётся в голове. Пусто. Дыхание застывает на выдохе, как и мой шокированный взгляд застывает на лице главнокомандующего целой армии *человеческих* солдат.

Главнокомандующего, чей глаз светится неоном цвета огненного заката.

– Знаю, у тебя множество вопросов, Эмори. Ты в замешательстве, возможно, даже в ужасе, но я даю тебе слово, что отвечу на каждый из твоих вопросов, сразу после того, как ты доверишься мне и сделаешь то, что я скажу. Я открылся перед тобой. Я честен перед тобой. И теперь... я прошу тебя довериться не человеку, а марту. Это ведь ты умеешь, правда?

Лафлёр вышел из палатки вот уже как минут двадцать назад, а я ещё ни разу с места не сдвинулась, даже не пошевелилась. Кажется, ни разу даже глаз не отвела от точки в полу, которую продолжаю сверлить взглядом. И словно не здесь нахожусь, не в платке рядом с ареной, а где-нибудь в другой реальности, где всё происходящее, где всё, что я только что узнала и услышала, имеет своё логическое объяснение, которое вот-вот должно прийти! Но нет их... ответов и объяснений. Не приходят, не появляются, не помогают.

И я не знаю, как с этим справляться...

Лафлёр – морт.

Главнокомандующий Окатанских чёрных кинжалов на самом деле морт!

Поверить не могу... Как это возможно? Неужели никто не знает? Никто не догадывается? Никто даже не подозревает?

Никто не чувствует его сущность?

Почему рафки до сих пор не раскусили Лафлёра? Разве они не чувствуют его силу, его физические возможности?... Как Лафлёр их скрывает? И почему называет себя другом моего отца, если мой отец презирал мртов и уж точно не мог водить дружбу с одним из них? Почему только один глаз Лафлёра горит неоном? И почему таким странным цветом, если радужка его второго глаза спокойного голубого оттенка? Даже если он морт, разве радужка его глаз не должна светиться ярким голубым?..

Слишком много вопросов.

Ничего не понимаю.

Зато теперь известно, откуда Лафлёр узнал про Инфинит. Не Сэйен ему поведала об этом таинственном пространстве со скоплением сильнейшей энергии, способной управлять временем, – это сделал Килиан, в обмен на то, что Лафлёр спасёт меня от смерти.

Это в лишний раз доказало насколько сильны принципы Килиана и то, что для него имеет главное значение. Он ни за что на свете, к какой бы стенке его судьба не прижала, не станет вмешиваться в ход событий и прошлое нашего мира. Лафлёр даже сказал, что уважает Килиана за его твёрдость и непоколебимость в принятии решений и силу духа.

И я согласна с Лафлёром.

В отличие от меня Килиан думает и заботится о будущем мира, он не готов ставить под возможный удар все три расы, а я... а я думаю лишь о том, как спасти нас двоих от смерти. Как избавить от рабства того, кто целиком и полностью овладел моим сердцем и как подарить ему долгожданную свободу, которую он заслужил.

Думаю о тех, кто погиб во имя высшей цели. Навязанной им Сэйен цели, но, так или иначе, ответственность за неё легла на мои плечи. Сбросить её уже не удастся. И даже если я сделаю то, чего хочет от меня Лафлёр, разве смогу спокойно жить дальше?..

Зная, что сотни смертей были напрасными?

Зная, что Килиана уже не вернуть?..

«Прислушайся к своему сердцу, доченька... Когда страшно, когда больно, когда слишком сложно, когда не можешь найти выход, или принять решение. Слушай своё сердечко, оно подскажет, оно не обманет».

– Должна ли прислушаться к своему сердцу сейчас, мама?.. – прошептала, глотая горькие слёзы.

Выход один.

И он заключается не в плане Лафлёра.

Прости меня, Килиан, но я не готова сдать и позволить тебе уйти.

Нам двоим придётся умереть, чтобы начать всё сначала. Чтобы начать жить заново.

– Во имя справедливости, да начнётся бой! – раздалось снаружи.

Глава 5

Радио-апокалипсис

*Зомби-волна *

Track # 5

Annisokay – «Life Cycles»

Сообщение: Бесконечность .

«Держи, – добавил Лафлёр перед уходом из палатки и протянул мне пузырёк с золотистой жидкостью. – Твоё лекарство. Выпей».

«Зачем»? – смотрела на него в таком замешательстве, которое не испытывала никогда в жизни. После того, что узнала. После того, что услышала и увидела.

«Разве оно не помогает тебе справляться с кошмарами? – улыбнулся. – Выпей».

«Зачем? – повторила. – Оно не поможет справиться с кошмаром, который вот-вот начнётся».

Лафлёр тяжело вздохнул и опустил руку.

«Ты приняла лекарство, которое я передал тебе через майора»?

«Нет. Оно разбилось. Так уж... сложились обстоятельства, – пожала плечами без сожалений. – Можете не пытаться, *главнокомандующий*. Не выйдет. Мы оба знаем, что оно блокирует не просто кошмарные сновидения».

Лекарство, которое с детства давали мне родители помогает не только спокойно спать, но и лишает возможности попасть в Инфинит. А это то, что мне сейчас меньше всего нужно.

Лафлёр покинул палатку, так и не добившись от меня желаемого. И меня это удивило. Он не стал даже пытаться насильно залить мне в горло настойку. Почему? Действительно рассчитывает на то, что я стану ему доверять?..

Напрасно.

Я даже самой себе больше не доверяю.

«Есть и недовольные таким положением дел, – звучало из его уст. – Народ разделился на два лагеря. И пусть тех, кто считает вынесенный тебе приговор несправедливым не так уж и много, они всё же есть. В основном это близкие друзья твоих родителей и несколько десятков активистов, которых удалось переманить на свою сторону. Благодаря их протесту... нет, приговор не смягчили, но было решено не демонстрировать на публику твою смерть. Когда Д-88 проиграет, на клетку будет брошена ткань, что укроет тебя от глаз наблюдателей. После чего в клетку запустят псов, но... я этого не допущу».

«Хотите, чтобы я поверила лжецу, что сумел от всего мира утаить свою истинную сущность»?

«Даже не рассчитываю на это... *пока что*. Но я хочу, чтобы ты поверила Килиану. Он – твой единственный шанс на спасение, Эмори. Килиану нужно умереть, чтобы ты выжила. Уж не знаю, в каком мире фантазий ты живёшь, но реальность гораздо суровее, чем ты думаешь. И пусть твоё чувство справедливости заслуживает уважения, но мёртвой ты уже никому не поможешь».

«И что же я должна делать?.. Просто смотреть на то, как Килиан ради меня отправляется на тот свет»?

«Жди, – это всё, что ты должна делать. Жди, пока «занавес» опустится, и тогда... мой человек вытащит тебя из клетки. И... советую хорошенько подумать, прежде чем сделать

выбор, потому что у этого боя может быть только два исхода: либо умрёт Килиан, либо вы оба отправитесь на тот свет. Килиан это понимает, а вот ты... всё ещё нет, Эмори».

«Это ведь не всё! – окликнула Лафлёр, когда тот уже собирался уходить. – Гореть мне в аду, если ваш план построен исключительно на доброй воле и искренних намерениях помочь. Не держите меня за идиотку, главнокомандующий. Какое условие вы выдвинули Килиану взамен на моё спасение?»

Долго ещё Лафлёр не сводил с меня задумчивого взгляда, а как только довольная улыбка коснулась уголка его губ, поспешил выйти из палатки, так и не дав ответа.

Когда меня вывезли к яме, крики и свист толпы были настолько оглушительными, что хотелось зажать уши руками, или же попросту оглохнуть, чтобы не слышать их, чтобы не сходиться с ума от понимания, что многих из пришедших посмотреть на мою смерть я знала с самого детства. Сослуживцы отца, его подчинённые, работники рынка, швейной фабрики, земледельцы, просто наши соседи... Энди Варгас – молочник, к которому я каждое утро в детстве бегала за положенной нашей семье порцией свежего молока... Он неустанно умилялся моему вздёрнутому усыпанному веснушками носику, и каждый раз угощал ломтиком сыра; это был наш маленький секрет. И вот сейчас этот самый молочник, в первом ряду арены надрывает связки, скандируя вместе с остальными: «Смерть предательнице! Смерть предательнице»!

Камни полетели в сторону клетки, и я рефлексивно вжимаюсь спиной в прутья. Притягиваю колени к груди, прикусываю губу, чтобы не разрыдаться в голос, и всеми силами пытаюсь сдержать слёзы, которые ни у кого из пришедших не вызовут ни капли жалости, или сострадания... лишь ещё большее омерзение.

Совет намалов Окаты в полном составе восседает на центральной трибуне, – на лучших местах. Кажется, даже несколько намалов из Тантума почтили сей бой своим присутствием; уж больно важно и дорого выглядят мужчины, что занимают места на ряд ниже.

Охрана, медперсонал, работники арены, – в полном сборе в отведённой для них зоне. Один из отрядов Чёрных кинжалов у входа. Второй, – отряд Дьена, – в полном составе; окружили намалов, заботятся об их чёртовой безопасности. А вот Дьена... Дьена я не вижу.

Не пришёл. Думаю, не смог себя заставить.

– Второй раунд! – объявляет распорядитель и раздаётся удар в гонг. Тогда-то толпа и переключает своё внимание с меня на действие, что разворачивается в яме.

– Убей! Убей! Убей! – уже спустя несколько секунд в унисон звучат голоса зрителей. Ползу в противоположный угол клетки и вжимаюсь лбом в прутья, чтобы лучше видеть то, что происходит в яме.

А то, что там происходит...

Боже...

– Н-н-ненавижуу... – хриплым дрожащим стоном вырывается изо рта. И пусть никто не слышит, я повторю снова. И снова, и снова... прожигая глазами полные удовлетворения лица намалов. – Ненавижу... Ненавижуууу!

Килиан выдержал первый раунд. И одного брошенного на бойца взгляда достаточно, чтобы понять, каких усилий ему это стоило.

Лицо разбито до неузнаваемости, открылись старые раны, кровь сплошь покрывает тело, тоненькими ручейками ссыывается с подбородка и чёрными реками сбегает по груди, животу и рукам. Ноги с трудом держат его прямо; то и дело ведёт в сторону, заносит, шатает, и мне страшно представить, каких усилий стоит бороться с силой притяжения, с болью разливающейся по телу, с разумом... который сгорает в огне. Знаю это. Чувствую это. Горю вместе с ним! Каждой клеточкой кожи, каждым оголённым нервом, с каждым новым ударом, что наносит противник... догораю вместе с Килианом. Умираю.

Нет сил на крик и слёзы... Опустошена, обессилена, словно наизнанку вывернута.

Виню себя, проклиная! Надо было уговорить его послушать меня, пока было время! Пока мы были рядом... Надо было заставить его вместе отправиться в Инфинит и сделать всё возможное, чтобы этого... чтобы всего этого ужаса сейчас не происходило!

Удар.

Грудь сжимает тисками, и я до крови впиваюсь зубами в губу, чтобы не взвыть от боли. Это его боль, это то, что сейчас испытывает Килиан. Он не смог увернуться от удара противника, что пришёлся в рёбра, и сейчас пытается подняться на ноги, продолжить бой.

Не выходит.

Не успевает.

С ноги получает в живот, подлетает в воздух и, несколько раз перевернувшись вокруг себя, ударяется спиной о землю.

«Держись... Умоляю, держись! Пожалуйста... Держись, Килиан. Не умирай. Не сдавайся. Не сдавайся!» – повторяю про себя как мантру, как заклинание. Как молитву. Пусть хоть кто-нибудь её услышит! Прошуууу!

«Я всё ещё у тебя в долгу».

«Однажды... я отдам тебе этот долг. Но не сейчас. Не когда ты практически сломлена, Эмори».

«Не когда твоя боль настолько сильна».

«Я не могу оставить тебя одну».

– Не оставляй... – бормотанием срывается с губ. – Не оставляй меня одну.

Ты обещал.

Удар!

– Кажется, у нас появляется победитель, дамы и господа!!!

– Добей! Добей! Добей!

Удар.

Кубарем прокатывается по дну ямы, наматывая на себя сырую, пропитанную кровью землю и замирает лёжа на боку...

«С того самого дня... когда я впервые увидел тебя... Что ты со мной сделала?.. Почему не даёшь мне уйти, Эмори?»

Удар.

Потому что не могу... Потому что не хочу!

Вставай! Ну же! Поднимайся! Борись!

Обхватывает себя руками. Становится на колени. И вновь падает.

Лицо искажено от боли, глаза с силой зажмурены, губы собраны в тонкую линию...

Удар!

– О, да! Этот бой надолго запомнится жителям Альтури! – комментирует распорядитель. – Да что уж там... этот бой войдёт в Новую историю!!! Впервые на Кровавом сезоне – боец, побеждённый дважды!

Возбуждённая зрелищем толпа заводится ещё больше. Крики, свист, скандирование оглушают. Тошно. От всех их тошно. От народа, который ещё недавно я так любила и гордилась им.

«Что же вы за монстры такие?»

Противник выбран большой и сильный; очевидно подбирался с ответственностью. Превосходит Килиана и по росту, и по телосложению, настоящий огромный зверь с горящими серебром глазами.

Я не видела, как прошёл первый раунд, но, судя по тому, что серьёзных повреждений у противника нет, Килиан едва сумел его задеть. И причина этому вряд ли в том, что Килиан слабее, и уж точно не в том, что он решил сдаться раньше времени, опустить руки... Дрянь, вшитая под кожу, не позволяет ему драться в полную силу. Всё, что Килиан может – это оттягивать момент собственной смерти. А это... всё, что мне от него сейчас нужно.

«Клетки со ставками свозятся к яме лишь в перерыве между первым и вторым раундом, – напомнил мне Лафлёр в палатке. – Поэтому... Килиану во что бы то ни стало, придётся выстоять до начала второго раунда. Он заверил, что сделает это».

И он сделал это.

Думает, что спасает меня.

Уверенный, что так будет лучше. Так будет правильнее! Пошёл на сделку, в жертву себя приносит...

Ещё удар!

Падает на колени. Поднимает голову. И взгляд его неоновых глаз находит меня.

Да чёрта с два мне нужна такая жертва!

– Не надоооо... Пожалуйста, отпустите меняяяя! – раздаётся вдруг. Ставка в соседней клетке, – девочка-морт лет шестнадцати, всё это время молча наблюдала за боем, а теперь вдруг разразилась надрывными воплями в мольбе о пощаде, привлекая к себе внимание всей приставленной к клеткам охраны.

– Заткнись, тварь! Закрой пасть!

– УМОЛЯЮЮЮ! ПОЩАДИТЕ! – заорала пуще прежнего, вцепилась пальцами в прутья и принялась изо всех сил трясти стальную конструкцию.

– Да что это с ней? Заткнись, кому говорят!

– Чего вопишь, идиотка?! Не твой же проигрывает!

Но девушка продолжает кричать, что есть мочи. Так пронзительно, так надрывно, словно Д-88 за её жизнь борется, а не за мою. Не знаю, зачем она это делает, но пока её внезапная истерика отвлекает охрану, я сделаю то, что задумала. Сделаю, пока сердце Килиана ещё бьётся.

– Ещё один сокрушительный удар наносит С-91 иии... О ДАА! Вот это удар! Вот это мощь! Д-88 отпружинивает от ботинка противника словно резиновый мячик и... ЕЩЕ УДАААААР!

Толпа ликует. Даже намалы повскакивали с мест и, сверкая довольными улыбками, тянут шеи, чтобы как следует насладиться моментом, когда С-91 приведёт в действие вынесенный Килиану приговор.

Зажмуриваюсь и делаю глубокий вдох.

«А что насчёт нежелания попасть сюда? Ты можешь это контролировать?»

«Не всегда. Когда в Инфинит появляются твои дурацкие картинки, меня автоматически затягивает».

Я должна это сделать.

Я дам тебе эту картинку, Килиан.

Я должна хотя бы попытаться.

Глубокий вдох. Выдох.

Снова глубокий вдох. Выдох.

Я знаю, как это делается... Дьен сам учил меня этому безобидному приёму.

– Кажется, Д-88 не двигается! Исход боя предreshён, дамы и господа! С-91 собирается нанести свой последний удар... Смертельный удар!

Дрожащими пальцами обхватываю себя за горло...

«Надавив на сонную артерию с одной из сторон к шейному отделу позвоночника спереди, ты сможешь быстро отключить противника. В том случае, если нельзя наносить особого вреда... Только отцу не говори, чем мы тут с тобой занимаемся, хорошо?»

Спасибо за урок, Дьен.

Найти сонную артерию...

Надавить...

Килиан без чувств лежит на дне ямы...

Его противник возносит кулак к куполу, собираясь нанести финальный удар...

Охрана у клеток суетится, стучит по прутьям, пытаясь утихомирить внезапно взбунтовавшуюся ставку...

А мои пальцы всё сильнее надавливают на нужную точку.

– Эй! А эта что делает?

– Эй! Ты что делаешь?! – Удар палкой по моей клетке. Ещё удар. – А ну убери от себя руки! Совсем мозгами поехала?!

Кулак С-91 рассекает воздух и стремительно несётся Килиану в лицо...

– Да она на себя руки наложить решила!

– Твою мать!

– Открыть клетку! ЖИВО!

Перед глазами темнеет. Вспышка света. Темнота. Вспышка. Темнота.

– ЖИВЕЕ! НУ! Я не буду за это отвечать!

«Что ты со мной сделала?... Почему не даёшь мне уйти, Эмори?»

Гремят ключи, звучит лязг засова.

А я через полузакрытые веки смотрю на кулак, что медленно-медленно, будто время поиздеваться решило, позлорадствовать, летит в лицо моего бойца.

«Почему не даёшь мне уйти, Эмори?»

– ВОТ ЭТО ПОВОРОТ! Да быть не может! – вдруг доносится до помутнённого сознания потрясённый голос распорядителя. – Он блокировал удар! Д-88 блокировал удар!

А дальше... всё превращается в одну огромную безумную карусель, что раскручиваясь на сумасшедшей скорости, с трудом позволяет уследить за тем, что происходит вокруг.

А вокруг происходит слишком много всего.

Перехватив кулак противника, Килиан с его же помощью поднимается на ноги, – с помощью своего сородича. И не успевает распорядитель справиться с потрясением и прокомментиро-

ровать внезапно образовавшийся союз бойцов, как раздаётся несколько хлопков, а уже в следующую секунду арену стремительно начинает заполнять плотный белый дым.

«Так вот он... Тот «занавес», о котором ты говорил, Лафлёр?»

Крики толпы. Топот ног. Пронзительный женский вопль. Хлопки. Паника стремительно нарастает.

– ОХРАНУ В ЯМУ!

– Всем сохранять спокойствие! Оставайтесь на своих местах...

– НЕМЕДЛЕННО ОХРАНУ В ЯМУ!

– Ситуация под контролем! Всем оставаться на своих местах!

– Оцепить намалов! Второй отряд, перекрыть выходы!

– ОТКРЫТЬ ОГОНЬ ПО ЯМЕ!

– Где Кинжалы? Почему рядом с намалами нет охраны?! ДА КАКОГО... – И чей-то голос обрывается на полуслове.

Серые пятна мелькают то тут, то там... Люди кричат, кашляют, пытаются выбраться с арены, лезут по головам...

А я до боли в суставах впила пальцами в прутья клетки и пытаюсь отыскать глазами Килиана, но яму уже успел поглотить плотный белый дым. Ни одного силуэта не видно, ни одного движения за белым занавесом. Только пули свистят одна за другой.

Крик девушки-морта в соседней клетке продолжает беспрерывно звучать, словно сигнал тревоги. Я ещё успеваю встретиться с ней взглядами и, как ни странно, не заметить в её глазах ни единого намёка на страх, а затем... меня вдруг кто-то хватает за волосы и так резко дёргает назад, что изо рта невольно вырывается протяжный стон боли, а из глаз готовы посыпаться искры.

– Ты что это, задушить себя удумала? – словно двумя острыми кинжалами, впиается в меня взглядом дылда Грэг.

– Отпусти, пока я тебе руку не сломала! – рычу разъярённо, пытаюсь схватить подонка за запястье, но тот лишь сильнее сжимает в кулаке мои волосы, рвёт на себя, и я вновь кричу, не в силах терпеть крошечную боль. – Это тебе за то, что не дала мне дружка своего, как следует поджарить! Грёбаная любительница мортов! – ненавистным шипением звучит на ухо.

Грэг словно и не замечает того, что творится вокруг. Словно свести со мной личные счёты превыше службы и приказов, что доносятся отовсюду!

Чёртов психопат!

Наконец оставляет мои волосы в покое и толкает в спину, ставя на колени. Вытаскивает из-за пояса пистолет, который явно ему не принадлежит и, ни секунды не медля, наставляет на меня.

– Раз такое дело, лично тебя казню. Тварь. – Ожесточённая улыбка растягивается на губах Грэга, а в глазах плещется безумие, не оставляющее ни единого сомнения, – сделает, выстрелит.

– Всё ещё хочешь сломать мне руку, а, Эмори? Давай, попробуй, – трясёт пистолетом и давится смешками сумасшедшего.

– Ты спятил, – уверенно смотрю ему в глаза и слабо качаю головой. – Ты не здоров, Грэг. Тебе нужна помощь.

– Мне? – запрокидывает голову и ещё громче смеётся. – Серьёзно? МНЕ? О боже... Фух, давно я так не смеялся.

Щелчок предохранителя.

Выстрел.

И я падаю на бок, едва сумев увернуться от пули.

– Всё ещё считаешь, что это мне нужна помощь, а? Мне?! Да? – звучит весёлый голос Грэга. – Потому что в следующий раз я не промажу. Не-а, точно не промажу!

Вот же больной ублюдок. С такими бесполезно разговаривать. В таких нужно либо стрелять в ответ в попытке нейтрализовать, либо... да, нужно спасаться.

Отползаю в сторону, за клетку, и дальше, – к самому краю ямы, в которую собираюсь прыгнуть, не придумав ничего более разумного. Но тело моё ослабленно, воля подавлена, а намерения слишком очевидны. Я не успеваю.

Выстрел.

И пуля ударяет мне в спину.

Глаза цвета аквамарина светятся в темноте.

«Ты с самого начала была для меня особенной»...

«Впервые в жизни»...

«Это всё ты, Эмори».

«Это всё ты».

Боль острой спицей пронзает тело. Под звуки смеха Грэга падаю на бок и приглушённо стону, в то время, когда хочется взвыть раненым зверем. Но не могу, не уверена, что даже способна на это. Боль она... она везде, повсюду. Внутри, снаружи, вокруг меня. Ядом растекается по венам, сердце отравляет, парализует меня, сжимает в тугую пружину; пошевелиться не могу, даже вдоха сделать не могу...

Веки наливаются свинцом, перед глазами плывёт. Проваливаюсь в спасительную темноту... И тут вижу его. Килиана. На другой стороне ямы. Он смотрит на меня... пустым, неживым взглядом. А у его ног лежит труп намала Риона; в левой руке боец за волосы держит его оторванную от тела голову, а правую свою ладонь прижимает к груди.

И всё вокруг исчезает. Все звуки, запахи, ощущения... Боли больше нет. Она мираж, выдумка. А словно откуда-то издалека далёким эхом до меня доносятся последние удары сердца Килиана.

Тук-тук.

И это всё...

Тук...

...что сейчас есть.

Он падает на колени. Глаза больше не светятся, руки опускаются по швам и, словно бездушная тряпичная кукла, Килиан падает в яму, по дну которой стелется беспросветный белый дым.

– А теперь в голову. – Кажется, это только что сказал Грэг. Но я не уверена. Потому что мне уже плевать.

– Как скажешь. – А это сказал кто-то другой. Хорошо знакомым голосом. Но и на это... тоже плевать.

Больше у меня никого не осталось.

Хруст. И что-то тяжелое падает на землю рядом со мной.

Грэг. Со скрученной шеей и выпученными глазами.

Надо же... Кто-то только что убил Грэга, а я ничего не чувствую. Вообще ничего. Это так прекрасно... Быть пустотой. Растворятся в пустоте. Быть не здесь. Я уже не здесь. Нет меня.

– Не дай ей отключиться! – звучит ещё один голос, далёким-далёким эхом. Я узнаю его. Это Лафлёр. Чёртов морт Лафлёр со своим чёртовым планом. – Делай что хочешь, но не дай ей отключиться!!! Понял?! Я спрашиваю: ты понял меня?!!

– Да чтоб тебя!!! Она ранена! – злобным рыком отвечает ему кто-то.

Кто-то, кто подхватывает меня на руки.

Кто-то, кто куда-то меня несёт.

Кто-то, чьи глаза светятся золотом.

– Не отключайся, поняла? – сквозь монотонный свист в ушах, приказом доносится до сознания его голос. – Эморррри! Слышишь?! Ты должна держаться! Я вытащу тебя отсюда, но не смей отключаться! НЕ СМЕЙ!

Дьен.

Ты всё-таки пришёл.

Тьма.

Вспышка.

И с мягким звоном передо мной открываются белоснежные двери лифта.

Глава 6

Радио-апокалипсис

*Зомби-волна *

Track # 6

Red – «Ascent»

Сообщение: Бесконечные возможности. Бесконечное пространство.

Инфинит

Здесь тепло. Даже слишком. Всего несколько минут прошло, как я попала в Инфинит, а чувствую, – лоб уже взмок, тюремная роба прилипла к спине... а может, просто кажется? Может... ощущения придуманы мной? Так же, как эти снежинки, падающие на ладонь, одна за другой, словно в танце кружатся; большие, пушистые. И не тают почему-то.

Красивые. Точь-в-точь, как на картинке из старого журнала.

Кончиками пальцев скольжу по стеклу. Оно холодное, как лёд, а там, – за ним, снаружи, – настоящая зима.

Удивительно. Никогда не видела зиму, вот так по-настоящему.

По-настоящему ли?

Опускаю руку и оглядываюсь для чего-то. Знаю, я одна в абсолютно пустом холле, по которому роем кружатся снежинки, словно крохотные белоснежные бабочки, но всё равно ищу его... А вдруг появится? А вдруг чудо случится? А вдруг... Килиан раньше меня успел попасть в это место и просто прячется? Как тогда, – когда я «придумала» в Инфинит отца, чтобы получить от него заветное благословение.

– Килиан? – шепчу с улыбкой на губах. С горькой, отравленной, возможно, слегка сумасшедшей улыбкой. – Ты здесь, Килиан?

Оглядываюсь раз за разом. Смотрю на дверки лифта, в надежде, что те вот-вот откроются, а за ними окажется Килиан. Шагнёт ко мне навстречу, протянет руку...

Ищу его за прозрачной стеной; там, за пеленой из снега, которая должна, обязана, раствориться и представить взору тёмный силуэт бойца. Моего бойца...

Но нет его там: ни за дверями лифта, ни на заснеженной пустоши. Нигде больше нет.

Горячие слёзы одна за другой срываются с подбородка и замёрзшими хрусталиками падают к моим ногам.

– Килиан? – зову снова для чего-то, и короткий нервный смешок вырывается изо рта. За ним ещё один, и ещё... И вот мой холодный бездушный смех вороньим карканьем разлетается по холлу, заполняет собой всё пространство, эхом отражается от стен и возвращается обратно, ударяя по мне тяжёлым молотом.

Спятила. Сошла с ума от горя и бессилия. От злости на себя. От несправедливости. От ненависти. От боли, что острыми когтями душу в клочья рвёт!

Не успела.

Не успелаааа...

Я не успела!

Делаю шаг вперёд, ноги подкашиваются, и я падаю на колени, поднимая в воздух снежную пыль. Смех превращается в истеричный надрывистый плач, и я даже не пытаюсь побороть его. Ради чего? Ради кого?..

Всё кончено.

Вот он – обрыв. Вот она – пропасть. Назад уже не выбраться, пути закрыты.

Не знаю, сколько проходит времени, но, кажется, что я уже целую вечность бреду в неизвестность, выдёргивая ноги из толстого снежного пласта наперекор принятию неизбежности, наперекор всякому здравому смыслу. Просто отключила чувства и эмоции настолько, насколько это было возможно. Я просто пытаюсь найти в этой холодной липкой темноте последний луч света и идти на него, каких бы усилий мне это не стоило. Я просто... должна это сделать. Даже если очень хочется освободиться, – просто исчезнуть вслед за всеми, кого любила.

«Парадной» Инфинит не стало, стекло растаяло в воздухе, осталась лишь придуманная мною картинка бесконечного заснеженного пространства, воплощённая в реальность с помощью неживой энергии, о которой рассказывал Килиан. Сотворить её оказалось проще простого, – всего-то нужно было представить, вспомнить изображение из одного зачитанного до дыр журнала о природе.

Почему снег?

Потому что так мне будет легче увидеть *Ego*, заметить.

Потому что так, – в вакуумной тишине, мне будет проще *Ego* дозваться.

– Арай!

Этот мальчишка решил поиздеваться надо мной, пощекотать нервы, прежде чем явиться взору, зная, что я и так на взводе. Решил прийти на мой зов в своём чёртовом образе «невидимки», вот только... в этот раз я предусмотрела это. В этот раз за «невидимкой» тянулся след.

– Снег. Ха. А ты не такая уж и тупая, – фыркнул рядом с моим ухом, и только после того, как я рефлекторно сделала выпад локтем назад и угодила этому гадкому мальчишке в живот, он избавился от иллюзорной завесы и предстал передо мной во всей красе.

Гадкая ухмылка, играющая на губах Арая и повеселённый взгляд горящих зеленью глаз, лишь подтвердили мои догадки – он появился в Инфинит как только его имя впервые здесь прозвучало! Он просто играл со мной всё это время!

– Что-то не так? – усмехается, игриво дёрнув бровями.

Уверена, этому паршивцу и взгляда моего достаточно, чтобы понять, как сильно у меня чешутся руки; хочется сорвать с него этот уродский готический плащ, схватить за волосы и окунуть лицом в снег, да поглубже. Но... нет у меня на это ни сил, ни времени! Так что...

– Говори! – заставив свой голос звенеть, как сталь, делаю шаг вперёд и не свожу с Арая свирепого взгляда. – Говори всё, что знаешь! Всё, что рассказала тебе об этом месте Сэйен! С самого начала! Что мы должны сделать?! Ну?! Я слушаю!

– Ооо... сестрёнка не в духе? – смеётся в ответ, трясая плечами. – А всего минуту назад сопли по лицу размазывала. – Круто разворачивается, взметнув подол плаща в воздух, и тем самым отправляет мне в лицо облако колючих снежинок.

«Боже... пожалуйста, дай мне сил не сорваться.»

«Дай мне сил не упасть на колени и не разрыдаться от отчаяния перед подростком, который может помочь мне всё исправить».

Задушить эмоции, спрятать их, не показывать.

Быть стойкой и сильной.

Казаться стойкой и сильной.

– А перед Сэйен ты не казался таким смелым, – бросаю Араю, и тот круто разворачивается ко мне лицом, сверкая игривым взглядом.

– Возможно. Но тут Сэйен нет.

– Сэйен в тюрьме. А Брей и Вал мертвы, – решаю сообщить, рассчитывая, что эта новость сделает Арая хоть немного серьёзнее и мы начнём говорить о том, за чем оба сюда отправились.

Но Арай выдерживает паузу, а затем лишь пожимает плечами и легкомысленным тоном отвечает:

– Знаю.

– Знаешь? – переспрашиваю, будто ослышалась.

– Понятное дело, – усмехается. – Я всё знаю. Всё. И обо всех. Меня невозможно увидеть, если я этого не хочу, забыла? А раз так... то я могу быть где угодно и когда угодно. А даже если меня почувствует кто-то вроде «мортакомандующего» армии безмозглых людишек, мне не составит труда убедить его... что ему попросту показалось.

– Лафлёр... Он раскрыл тебя, да?

– Он уже этого не помнит, – самодовольно улыбается Арай и щёлкает пальцами. – Что ж... если ты уже наигралась «в зиму», создай здесь местечко поуютнее, ладно? И тогда мы поговорим.

Пришлось пойти на поводу у Арая и изменить время года в Инфинит с зимы на привычное в Альтури лето. Первое, что пришло в голову – это место наших с Дьеном встреч недалеко от Шэлмана, где я всегда чувствовала себя спокойнее. Ясное голубое небо над головой, яркое полуденное солнце согревает своим теплом, и холм, с которого открывается красивейший вид на низину с раскинувшимся в ней густым лесом.

Надо отдать Араю должное, – он не взялся комментировать то, как я несколько минут неотрывно, словно зачарованная, смотрела на место нашего с Дьеном отдыха, где трава так и осталась примятой, – всё, как в моей памяти. *Почти всё.*

– Только майора не создавай, – прозвучал за спиной насмешливый голос Арая. – А то меня до сих пор подташнивает, как вспомню ваши свиданки. Фу.

– Готова поспорить, что у тебя ни одного такого не было. Но оставим на потом выяснение подробностей твоей личной жизни, – которой нет, – и перейдём к решению существенных проблем.

– Ого! А ты когда злишься, больше мне нравишься. Понимаю, почему даже такой кремень, как Килиан на тебя запал. Вот только его ... ни к чему хорошему ваша связь не привела. И раз уж одного из трёх ключиков Стальной королевы не стало, то и заветная дверка в прошлое, увы, не откроется.

Долго у нас разговор завязывался, всё как-то не складывалось. Арай всё никак не мог усмирить свой подростковый максимализм, а я с трудом сдерживалась от жгучего желания отвесить ему подзатыльник, или чего покрепче. Но эмоции пришлось спрятать, забыть о них, на какое-то время стать бездушной машиной с одной единственной целью – получить ответы на все накопившиеся у меня вопросы.

– Кто ты такой? – начала я с самого начала.

– А разве ты не знаешь? Я – порождение Стальной королевы. Первый в мире морфк.

– Кто? – переспрашиваю, сощутив глаза.

– Морфк! – с раздражением повторяет Арай. – Морт плюс рафк, получается – морфк! Это я придумал. Сэйен об этом пока не знает, но, уверен, ей понравится.

– Ты просто гибрид, – качаю головой. – Непредусмотренное природой недоразумение.

Не стоило этого говорить. Теперь разговор с этим... *морфком*, стал ещё напряженнее.

– Как ты меня услышал? – задаю очередной вопрос и следом засыпаю ещё десятком: – Как попал сюда? Когда это случилось впервые? Как мы связаны? О какой связи говорила Сэйен? Как это возможно? Как вообще...

– Эй-эй, полегче! Голова от тебя уже болит, – морщится, потирая висок. – Зачем тебе всё это знать? Какая вообще теперь разница?

– Я хочу знать всё!

– «Я хочу знать всё», – копирует меня Арай мерзким голосочком и следом протяжно выдыхает, пристально заглядывая мне в глаза. – Нет смысла, понимаешь? Его не вернуть уже.

Мёртв твой боец, а значит, что и в вопросах твоих больше нет смысла. И в Инфинит смысла нет. В нашей с тобой встрече нет. Нигде и ни в чём больше нет смысла. Теперь каждый сам за себя.

Не выдерживаю. Эмоции захлестывают. Вскидываю на ноги, отхожу подальше от Арая и велю ему не говорить со мной хотя бы несколько минут, потому что... меня трясёт, ум за разум заходит, меня просто разрывает на части, и я не знаю, как это принимать, как с этим мириться, да и возможно ли это вообще!

– Килиан мёртв, уж прости. Я был там. Сам видел, – добавляет Арай. – Сердце у него остановилось, не выдержало.

Я знала. Я видела смерть в его глазах. Но даже это не лишило меня надежды всё исправить. А из уст Арая... это звучит, как приговор.

– Всё, теперь точно конец. Да простит меня Стальная королева, но второго такого Килиана нам не найти, – сообщает Арай, стоит мне вернуться и присесть рядом с ним на траву. – Сэйен говорила, что ты позовёшь меня, вот только поздно уже, понимаешь? Бессмысленно. Килиана здесь нет, а без него нам не подвластна живая материя Инфинит. То, что создаёшь ты – не настоящее. Подделка. Даже я не могу её «оживить». Сил не хватит.

У меня не находится слов для ответа.

Притягиваю колени к груди, обнимаю их руками и пустым взглядом смотрю на лес в низине, словно там, среди деревьев, сейчас покажется Килиан и самолично скажет Араю, как сильно он ошибается.

Всё бы за это отдала...

Вот только... отдавать уже нечего. Даже слёз не осталось. Высохли все, закончились. Душа наизнанку вывернута, опустошена, разорвана.

Как я могла это допустить?..

Почему не переубедила его? Почему не настояла? Почему не заставила, в конце концов?!

– Морты – упрямый народ, – словно мысли мои прочитав, произносит Арай, и будто бы даже безразлично. – Я знал, что так будет. Не того парня старушка Mortifero выбрала для управления временем.

– Тоже в это веришь? Mortifero?.. Предназначение?.. – переспрашиваю опустошённо. Просто, чтобы хоть что-то спросить, сказать, перестать тонуть в собственном отчаянии, захлестываться им. Но вместо ответа мальчишки вдруг слышу другое:

«Эри? Просытайся, Эри!» – словно ветром из леса принесло и меня тут же будто током прошибает.

Вздрагиваю, вскакиваю на ноги и судорожно вращаю головой по сторонам. Ищу источник звука. Источник голоса Дьена.

«Эри! Ну же! Проснись! Пора просыпаться»!

– Ты тоже это слышишь? – во все глаза смотрю на Арая.

– Что? – расслабленно усмехается. – Разбудить тебя пытаются?

– Откуда... откуда знаешь?!

– Ха. А что ещё этим неудачникам остаётся?

Не понимаю... Голова сейчас взорвётся! Я ничего не понимаю!

«Просытайся, Эри!»

– Что происходит?! – вскакиваю на ноги и хватаюсь за голову, в которой всё громче и громче звучит зов Дьена.

– У майора с Лафлёрсом договор, – сообщает Арай, глядя на меня хмуро. – Вот и вытаскивают тебя из Инфинит, чтобы ты дел тут не наворотила. Лафлёру меньше всего сейчас перемены нужны. Не даст он тебе со временем играть.

– Не понимаю... – в замешательстве смотрю на Арая. – Если так, то зачем ему нужно было меня вытаскивать?..

– Ну, об этом ты у него лучше спроси. Когда проснёшься.

«Она не просыпается. Не будь извергом! Дай ей поспать ещё немного!»

«Спит только её тело! Сколько ещё раз мне нужно тебе это объяснять, майор? Её разум сейчас в Инфинит. И это очень-очень плохо! Она давно не пила лекарство! Последствия могут быть необратимыми!».

– Они говорят! – Лихорадочно соображая, в надежде на объяснения смотрю на Арая. – Там Лафлёр! Рядом с Дьеном! Лафлёр! Там!

– Понятное дело, – Арай тяжело вздыхает и, с лицом словно делает мне вселенское одолжение, решает рассказать: – Лафлёр давно уже метил на место Верховного намала Риона. Думаешь, зачем ещё просил о переводе из Тантума в Окату? Всё было давно и тщательно продумано, оставалось лишь дожидаться подходящего момента.

– О чём ты? – делаю шаг вперёд, опускаюсь на колени перед Араем и смотрю на него умоляюще: – Пожалуйста, говори быстрее! Они... их голоса... они...

– Знаю. Они скоро тебя разбудят. – Шумно вздыхает. – В общем, подробности мне неизвестны, но сам слышал, как Лафлёр майора на свою сторону переманивал. Точнее будет сказать, – заманивал тобой. Суть понятна? Условия сделки были таковы: пущенный на арену дым станет отмашкой к действиям; в тот же момент майор отзовёт свой отряд подальше от намалов, а Килиан прикончит Риона, работая бок о бок со своим противником; это и есть цена за твоё спасение. Противника, кстати, тоже подговорили. Как и ту девчонку в соседней клетке. Жуть, как она орала, – морщится, – но тем самым достаточно неплохо переключила на себя внимание всей охраны, согласись?

– Почти всей, – поправляю, пустым взглядом глядя в землю.

– Ну, в плане не без изъяна, – звучит циничный смешок Арая. – Да и майор особо не торопился спасать свою принцессу. Я сам видел, как он смотрел на тебя и того спятившего парня с пушкой... жуткое зрелище; лицо у Дьена было таким, словно его на части разрывало. В общем, как-то всё скомкано вышло.

– Не понимаю... – качаю головой. – Разве моё спасение того стоило? Неужели не было другого способа избавиться от Риона?

– Удачное стечение обстоятельств, – дёргает плечом Арай. – Лафлёр своего добился и остался вне подозрений. Вину повесят на «свеженького» морта майора, которого уже нет в Альтури, и на бойца, который уже мёртв.

– Как... как Лафлёр провернул всё это?.. – Кажется, ещё немного и моя голова лопнет, словно мыльный пузырь. – Как?! Не понимаю! Как морт мог стать главнокомандующим Кинжалов? Почему никто до сих пор этого не понял?

– Понятия не имею, – Арай дёргает плечами. – Даже я не чувствую в нём морта. Если бы не этот его чёртов глаз...

– Почему радужка такого странного цвета? – перебиваю и тут же трясую головой: – Нет, стой, ответь на другой вопрос...

«Эмори, слышишь меня? Это Лафлёр. Ну же, милая, пора просыпаться...»

Чёрт.

Проклятый голос в голове! Проклятый Лафлёр!

– Если ты был там, то... то почему не помог ему? Почему ничего не сделал для Килиана? – смотрю на Арая с укором. – Разве не в твоих интересах изменить прошлое?

– А что я мог? – отвечает таким же взглядом. – Силой мысли вытащить из его груди ту штуковину?.. Ха! Я конечно силён, сестрёнка, но не настолько!

И я замолкаю.

Что же я делаю? Пытаюсь повесить вину за смерть Килиана на кого-то другого?..

Трусиха.

С трудом сглотнув сдавивший горло ком, вновь смотрю на Арая:

– Он знал?.. Килиан знал, что Дьен принимает участие в сделке?

Арай отвечает не сразу. Какое-то время с задумчивым видом смотрит на лес, пожимает плечами и наконец отвечает:

– Не уверен. Но, думаю, знал. Они хоть и были врагами, но в этот раз их связала одна цель.

Я.

– Ты, – твёрдо смотрит на меня Арай и в голове вновь раздаётся голос Дьена:

«Она нас слышит»?

«Не думаю. Сейчас её тело абсолютно «пустое». Разум далеко не здесь».

«Ошибаешься, чёртов ты мерзавец! – отвечаю Лафлёру мысленно. – Я слышу каждое твоё гнусное слово»!

– В какой именно момент из прошлого мы должны были вернуться? – Пытаюсь сосредоточиться на Арае. Пытаюсь игнорировать чёртов зов в ушах!

– Я же сказал, – Арай усмехается, – это всё теперь не имеет значения!

– В какую точку?!! – перехожу на крик и зажимаю уши руками, наивно полагая, что тем самым смогу заглушить голос Лафлёра.

Не выходит.

– Что мы должны были сделать, Арай?!!

Молчание Арая длится так долго, а голос Лафлёра в голове становится таким громким и ясным, что я уже практически готова сдаться, подчиниться воле главнокомандующего и позволить своему телу проснуться в реальном мире, как тут мальчишка внезапно сообщает:

– Мы должны были вернуться в двадцатые года Новой эры и... и много всякого там натворить. Но... главной нашей задачей, по словам Сэйен, должна была стать смерть одного засранца. Только прикончив его, мы смогли бы изменить историю и избавить мир от будущего рабства и тирании.

Сотрясающий голову голос Лафлёра смолкает, и я, наконец, облегчённо выдыхаю, проводя дрожащей ладонью по покрытому испариной лбу. Но, точно зная, что главнокомандующий так просто не сдастся и вот-вот возобновит попытки разбудить меня, тут же требую у Арая пояснений.

– Что ещё тебе нужно знать? – фыркает тот. – Нам всё равно не добратся до того гада!

– Двадцатый год... – соображаю, вспоминая. – В двадцатом году был заключен первый мирный договор с рафками. Его заключил... первый Совет намалов во главе с Гектором – одним из основателей Тантума. Сэйен хотела, чтобы мы не допустили этого?

– Нет. Сэйен хотела, чтобы мы не допустили заключения *второго* мирного договора в девяносто пятом году. Но для этого нам нужно было вернуться в двадцатый год и кое-кого прикончить. И я же уже раз пять сказал: это всё больше не имеет...

– Кого именно?! – резко перебиваю. – От кого мы должны были избавиться?

Новый тяжёлый вздох Арая. И очередной ленивый ответ:

– От одного родственничка Риона. Точнее сказать – от его прапрадеда. Внука Гектора. Что, скажем так, было бы довольно проблематично.

– Разве? – циничный смешок невольно вырывается изо рта. – Убить кого-то для тебя может быть проблематичным?

Арай медленно поворачивает ко мне голову и смотрит с предостережением:

– Хорошего же ты обо мне мнения, сестрёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.